

XXXI г.

№ 10

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXI

1900

Выходит 4 марта 1900 г.

Выходить еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежене. книг „Сборника“, содерж. соч. Н. В. ГОГОЛЯ, 12 книг литературных приложений, 12 №№ „Парижских модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

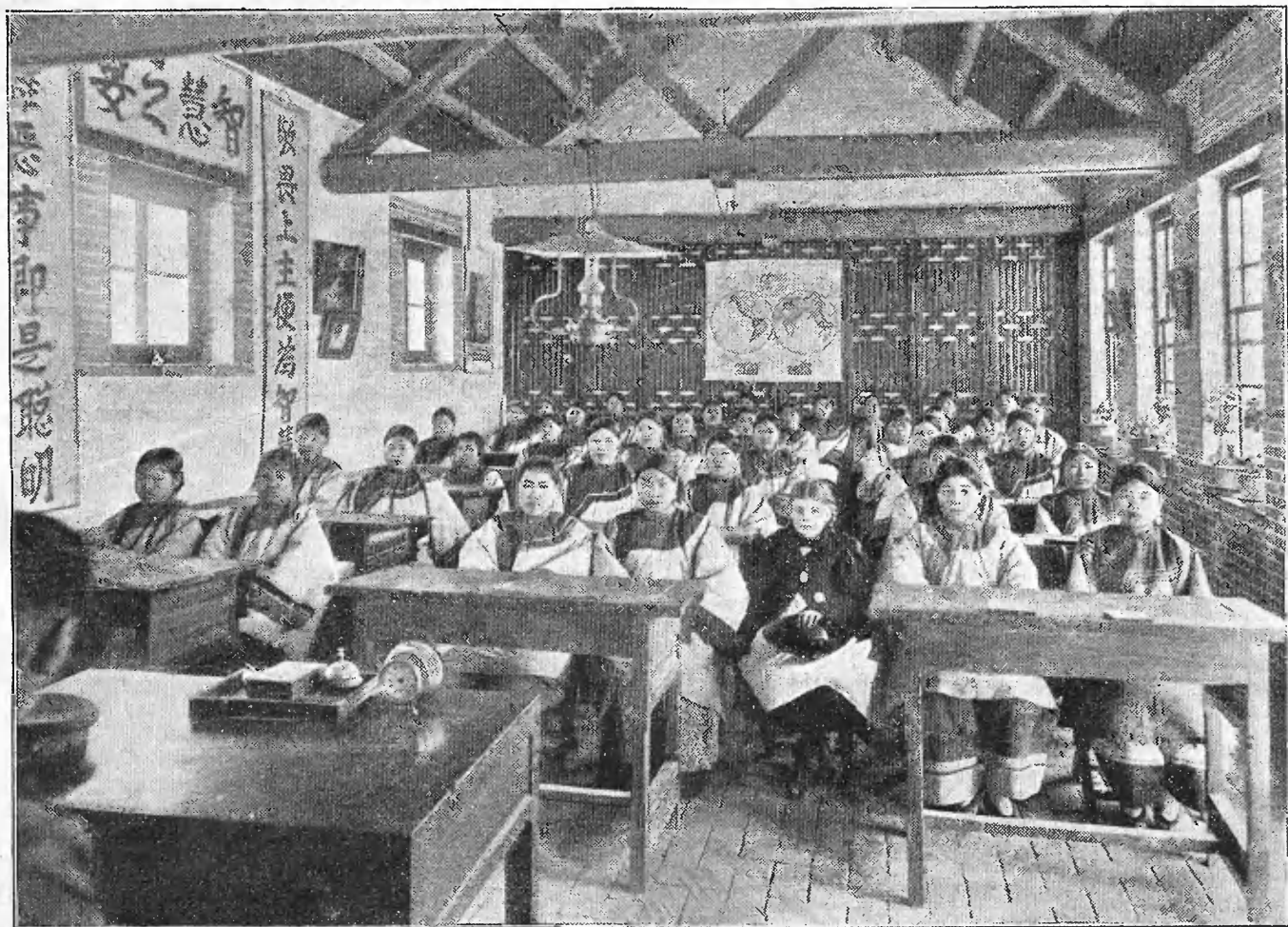
Цена этого № 20 к., съ перес. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1900 г.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всеми приложениями на 1900 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ полное собраніе сочиненій Н. В. ГОГОЛЯ, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ Москвѣ въ конторѣ Н. ПЕЧОВСКОЙ, Петровскія линіи . . .	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Рижельская, 12 . . .	6 р. 50 к.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Съ перасылкою во все мѣстоности Россіи . . .	7 р.	За гра. ницу . . .	10 р.
На 1/4 года съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.											

При семъ прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА МАРТЪ 1900 г. съ 30 рис. и отдѣльн. листъ съ 26 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 25 рис. для вышиванія.

Мисіонерская школа въ Шанхаѣ. По фот. автотипій „Нивы“

Дочь курьера.

Романъ

И. Н. Потапенко.

(Продолженіе.)

На берегу лежало старое, сваленное бурей, дерево. Кора давно уже слѣзла съ него, высохшія вѣтви отпали, поверхность его сгладилась, и оно вполне замѣняло скамейку. Прудъ былъ спокоенъ, блестя и казался серебрянымъ.

— Вотъ здѣсь мы и сидѣмъ! — сказала Люба.

— Ты точно умышленно противъ меня что-нибудь... За-вела меня въ какое-то дикое мѣсто...

— Но развѣ здѣсь не хорошо? Посмотри, какъ чудно небо отражается въ прудѣ... А тамъ зеленѣетъ камышъ... Это красиво! Развѣ ты не находишь?

— Нисколько!

— Ну, значитъ, ты дѣйствительно переѣхался. Это правда, что ты совсѣмъ не тотъ...

— «Дѣйствительно и это правда»... Значитъ, кто-то это утверждаетъ и объ этомъ была рѣчь. Ты научилась дипломатіи, Люба...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что я ей не научилась и, вотъ видишь, никакъ не умѣю подойти къ тому, что мнѣ надо тебѣ сказать.

— Ну, что жъ, останется сказать прямо.

— Я такъ и сдѣлаю. Дѣло въ томъ, что ты переѣхался и какъ-то очень ужъ быстро и круто. А мать, она вѣдь тебя любитъ безумно... Ну, и... какъ тебѣ сказать... все это ее пугаетъ... Когда человѣкъ не понимаетъ, то онъ прежде всего пугается...

— Ахъ, вотъ что!..

— Да, это... А сегодня мнѣ показалось, что она даже глубоко оскорблена твоимъ поведеніемъ.

— Оскорблена? Я этого не хотѣлъ, какъ ты догадываешься.

— Я знаю, что ты не хотѣлъ... Но на этомъ нельзя успокоиться. Вѣдь дѣло идетъ о нашей матери, Алексѣй!

— Что жъ я долженъ сдѣлать, по-твоему?

Люба посмотрѣла на него внимательно. Ее поразили его равнодушный тонъ. То, что она говорила, его не трогало нисколько. Она этого не ожидала.

— Вотъ что мама сказала мнѣ сейчасъ, — промолвила она: — если Алексѣю такъ противно жить съ нами, то я не понимаю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Я желала этого, но насильно не тянула его. Въ такомъ случаѣ онъ можетъ уѣхать...

— Она это сказала?

— Да, сегодня.

— Что жъ... Можетъ-быть, я воспользуюсь этимъ...

— Ты уѣдешь?

— Почему же нѣтъ?.. Если такъ ставится вопросъ.

— Значитъ, тебѣ противно жить съ нами?..

— Противно? Что за слово? Просто у меня былъ извѣстный планъ, я долженъ былъ его бросить, чтобъ пріѣхать сюда, а это неспрiятно.

— Знаешь что, Алексѣй... Ты, конечно, не уѣдешь, по крайней мѣрѣ раньше, чѣмъ папа вернется въ Петербургъ, и я мамѣ не передамъ этихъ словъ! — сказала Люба такимъ выразительнымъ голосомъ, что Алексѣй, въ свою очередь, поднялъ на нее глаза.

— Я вижу, что ты собираешься читать мнѣ поученіе! — съ улыбкой сказалъ онъ. — Развѣ ты брала уроки у тетушки?

— Ты сдѣлался несносенъ... Я не знаю, что тебя сдѣлало такимъ...

— Насиліе, милый другъ, насиліе! Я хотѣлъ оставаться тамъ, меня заставили ѣхать сюда...

— Тебя не заставляли, ты самъ согласился.

— О, есть тонкіе, мягкіе способы насилія. Можно сказать человѣку: ты свободенъ — такимъ тономъ, что онъ самъ пойдетъ въ кандалы!

— Это эгоизмъ! Въ тебѣ говоритъ какое-то раздраженіе, причины котораго я не знаю. Прежде ты доверялъ мнѣ, а теперь... Теперь это кончилось, не знаю почему! — промолвила Люба дрожащимъ голосомъ.

— Почему, почему? Потому что прежде ты понимала меня...

— А теперь?.. Развѣ ты пробовалъ быть откровеннымъ со мною? Ты не имѣешь права утверждать, что я тебя не пойму. Я не навязывалась, я только говорю правду.

И такимъ искреннимъ тономъ была произнесена эта жалоба, столько глубокой грусти было въ ея глазахъ, что у Алексѣя дрогнуло сердце, и въ немъ зашевелилось заснувшее чувство къ сестрѣ, которую онъ прежде любилъ больше всѣхъ на свѣтѣ. И у него явился порывъ, который онъ, конечно, не могъ бы предсказать нѣтъ минутъ назадъ и даже упорно отрицалъ бы его — сказать сестрѣ все, признаться ей, доверить тайну. Можетъ-быть, онъ безсознательно увидѣлъ въ этомъ возможность поговорить съ живымъ человѣкомъ о Далѣ, произвести вслухъ ея имя и назвать свое чувство къ ней.

— Слушай, Люба, — заговорилъ онъ вдругъ совсѣмъ другимъ, прежнимъ, простымъ и искреннимъ голосомъ: — можетъ-быть, ты и права, но не такъ, совсѣмъ не такъ объясняешь. Я, въ сущности, не измѣнился, и мое отношеніе къ тебѣ и ко всѣмъ осталось прежнее... По въ жизни бываютъ обстоятельства... положенія... переживанія... которыя захватываютъ человѣка всего, со всѣми его мыслями и чувствами, и тогда весь остальной міръ для него какъ будто не существуетъ. Ну, вотъ и я... Я пережилъ такое состояніе...

— Что это, Алексѣй? — съ выраженіемъ нѣкотораго испуга спросила Люба.

— О, ты не пугайся! Это не дурное что-нибудь, не позорное; напротивъ... однимъ словомъ... Я люблю и люблю...

— Ахъ, это? — спросила Люба, и глаза ея прояснились.

— Да, Люба! Я люблю безпредѣльной, безконечной любовью, и меня тоже любить. Все это время я жилъ въ какомъ-то сказочномъ, зачарованномъ мірѣ счастья... Я испыталъ такія высокія минуты чистаго блаженства, какія только могутъ быть доступны человѣку. И вотъ, эта поѣздка въ деревню разрушила все очарованіе.

— Я не спрашиваю тебя, Алексѣй, кто это... Ты можешь не говорить, если не хочешь! — сказала Люба съ волненіемъ, такъ какъ его восторженная, пылкая рѣчь заразила ее.

Въ сущности, она радовалась, видя его такимъ счастливымъ. Когда онъ говорилъ о своей любви, глаза его горѣли невыразимымъ огнемъ. Казалось, онъ весь переродился и засіялъ. Но радость ея еще вырастала отъ открытія, что эта переѣзка съ нимъ, которая всѣхъ такъ беспокоила, произошла не отъ какихъ-нибудь злыхъ причинъ, а отъ такого невиннаго чувства, какъ любовь.

— Итъ, я не скрою отъ тебя. Я назову тебѣ! — съ прежнимъ восторгомъ продолжалъ Алексѣй. — И я знаю напередъ, что ты отгѣнишь мнѣ полнымъ сочувствіемъ. Имя этой дѣвушки — Даша...

— Никанорова?

— Да, Дарья Степановна. Ты ее хорошо знаешь и мнѣ нечего перечислять тебѣ ея достоинства.

— Даша Никанорова!.. — какъ бы про себя произнесла Люба...

— Почему же ты такъ странно повторяешь это имя,

какъ будто въ немъ есть что-то дикое, непривычное для слуха? Почему я въ твоихъ глазахъ не вижу сочувствія, одобренія? Или ты, какъ тетюшка Ольга Сергѣевна, тоже видишь въ этомъ угрозу для достоинства знаменитаго рода Берсеневицъ?

— О, что ты? Боже сохрани! Я ничего подобнаго не подумала...

— Но что же?

— Да просто такъ... Я знаю Дарью Степановну давно и привыкла смотрѣть на нее известнымъ образомъ, привыкла и тебя видѣть съ нею въ товарищескихъ отношеніяхъ, и мнѣ надо сдѣлать усиліе, чтобы вообразить все это иначе.

— Видишь ли, — говорилъ Алексѣй: — я давно уже люблю ее, и она также... Но мы не имѣли случая сказать это другъ другу... Наконецъ, этотъ случай напелся... Если бъ ты знала, какое это дивное существо! Какая это замѣчательная дѣвушка!

— Но я ее знаю, Алексѣй, и говорю, что у нея много достоинствъ. Она прекрасный товарищъ, но все же я... я не думала, что ты сдѣлаешь такой выборъ!

— Но почему же это?

— Я не знаю почему... А просто я этого не ожидала... И признаюсь, мнѣ кажется это страннымъ.

— Однако, Люба, я тоже не ожидалъ, что ты будешь говорить такъ безосновательно. Если кажется страннымъ, то есть причина...

— Ну, просто мнѣ кажется, что она къ тебѣ не подходитъ...

— Не подходитъ? Она подходитъ, чтобы быть твоей подружкой, чтобы ты проводила съ нею время, вмѣстѣ читала, дѣлилась мыслями, занималась науками, а не подходитъ, чтобы я питалъ къ ней чувство?..

— Да, не подходитъ, не подходитъ и не подходитъ! — все болѣе и болѣе увѣренно говорила Люба. — Ну, вотъ, я не могу представить себѣ тебя съ нею въ близкихъ отношеніяхъ, ну, напримѣръ жениха и невесты...

— Ты переѣмнишь это мнѣніе, Люба! Даша такая удивительная дѣвушка... Въ ней столько совершенствъ!.. Ты недостаточно знаешь ее, но ты узнаешь, ты сойдешься съ ней ближе, ты сдѣлаешь это для меня!

— Это дѣло будущаго, Алексѣй!.. — какъ-то странно перебила его Люба, какъ будто хотѣла прервать потокъ его восторженныхъ похвалъ Дашѣ. — А теперь сдѣлай мнѣ одно величайшее одолженіе...

— Какое, Люба? Я постараюсь всѣми силами.

— О, это такъ нетрудно. Вѣдь мама думаетъ гораздо мрачнѣе. Въ твоей переѣмѣ она подозреваетъ все самое ужасное... Она, напримѣръ, какъ-то намекала, не попалъ ли ты въ кружокъ какихъ-нибудь дурныхъ людей, или хотя бы не дурныхъ, но опасныхъ... И этимъ объясняла твое настроеніе. Но, слава Богу, для меня ясно, что ничего подобнаго нѣтъ. Я ужъ это знаю... Но ты, конечно, не хочешь, чтобы я открыла мамѣ эту твою тайну, которую ты открылъ мнѣ?

— Нѣтъ, не хочу... Когда настанетъ время, я самъ скажу это отцу и матери.

— Да, такъ будетъ лучше. Ну, и я понимаю, что у тебя есть причины торопиться въ Петербургъ, и ты уѣдешь, когда вернется туда папа. Но эти оставшіеся дни будь, пожалуйста, такимъ, какимъ ты былъ прежде. Ты можешь меня игнорировать, если тебѣ угодно. Я это пойму... Но мама, мама... Если бъ ты знала, что она переживаетъ! Ее надо пожалѣть... Вѣдь она только и живетъ нами... Вотъ чего я хочу отъ тебя!..

— Боже мой, Люба! Неужели ты думаешь, что я могу сознательно обидѣть маму?

— Не пужко и безсознательно обижать! Согласись, что ты велъ себя, какъ эгоистъ. Ты никому не хотѣлъ причинять боли, но причинялъ ее всѣмъ. Ты, просто, ни о комъ изъ насъ не думалъ, никого не замѣчалъ. Ну,

такъ вотъ, надо только подумать о мамѣ и тогда у тебя само собой все выйдетъ хорошо. Вѣдь и дней-то осталось совсѣмъ немного, около недѣли...

— Да, да, Люба... Ты права!.. Я буду думать о мамѣ...

— Вотъ и все.

И Люба поднялась, какъ бы боясь, чтобы онъ опять не заговорилъ о Дашѣ и о своей любви. Ей почему-то непріятно было слышать его восторженные изліянія. Она и сама еще не знала, почему, и объясняла это тѣмъ, что ей вообще была несвойственна сентиментальность.

Но все же, чувствуя, что молчаніе должно непременно обидѣть его, она, когда они возвращались прежней дорогой, сошла своимъ долгомъ задать ему нѣсколько вопросовъ.

— Вы часто видѣлись? — спросила она.

— Каждый день! Мы не пропускали ни одного свободнаго часа, чтобы не быть вмѣстѣ.

— И на скачкахъ бывали вмѣстѣ? — спросила Люба, вспоминая, какіе доводы онъ приводилъ тогда, въ Петербургѣ.

— Ни разу. Неужели это могло интересоваться меня? Меня ничто внѣшнее не интересовало. Ты, Люба, никогда не любила... Ты не знаешь, какъ это чувство охватываетъ всего человѣка.

— А Дарья Степановна все еще даетъ уроки?

— Да, конечно... Она даетъ ихъ каждый день... Ты вѣдь знаешь, какая она работница; она не пропустила ни одного урока.

Въ этотъ день Алексѣй получилъ отъ Дани письмо; она писала ему: «Милый, я не хочу, чтобы моя любовь ссорила тебя съ родными и со всѣмъ внѣшнимъ міромъ. Я охотно уступаю имъ маленькій уголокъ въ твоемъ сердцѣ: люби ихъ, люби свою мать, сестру. Онѣ у тебя такія хорошія; люби и Божій міръ, онъ такъ прекрасенъ. Будь всегда добръ. Я не хочу видѣть тебя мрачнымъ, раздраженнымъ и злымъ. У моего чувства нѣтъ тщеславія, которое могло бы этимъ гордиться. Я горжусь тобой и твоей любовью, мой славный Алексѣй, и этого съ меня довольно».

У Алексѣя явилось душевное движеніе показать это письмо Любѣ, но вдругъ какое-то внутреннее чувство остановило его. Да, онъ хотѣлъ бы, чтобы Люба знала, какая она, эта дѣвушка, какъ она влияетъ на него, сколько благородства въ ея чувствѣ. «Но, вѣдь, Даша писала это для меня, она не имѣла въ виду, что я покажу эти строки кому-нибудь другому. Значить, я не имѣю права»...

И онъ не показалъ Любѣ письма. Когда послѣ прогулки въ саду онъ остался одинъ и привелъ въ порядокъ свои мысли, то почувствовалъ себя какъ бы недовольнымъ объясненіемъ съ сестрой. Люба, въ сущности, ничего не сказала противъ его любви и противъ Дани. О Дашѣ она отзывалась дружелюбно. Она, конечно, не обязана думать о ней такъ же восторженно, какъ онъ. Его чувство удивило ее. Въ этомъ тоже онъ не находилъ ничего страшнаго. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ долго скрывалъ даже отъ Дани свое чувство, и Люба привыкла видѣть ихъ товарищами. Тѣмъ не менѣе она отнеслась хорошо, разумно, и, главное, правильно поняла его поведеніе по отношенію къ матери и ко всему, что было въ деревнѣ.

Но все же чувствовался какой-то холодъ въ ея словахъ. Слишкомъ мало она заинтересовалась его романомъ, почти ничего не спрашивала и какъ-то быстро прекратила всю сцену, поднявшись и направившись домой. И онъ не понималъ еще главнаго, того, чего и сама Люба не понимала, и что потомъ, когда выяснилось, привело его въ ужасъ.

Зато у него явилось чувство просвѣтленія оттого, что онъ созналъ свою вину передъ матерью. И онъ ужасно

За хворостомъ. Съ картины (исключ. право воспроизв. принадл. «Нивѣ») И. И. Творожникова, грав. А. Творожниковъ.

Зимній день. Картина Р. Мунте, грав. Фальшср.

решился теперь тому, что въ письмѣ своемъ Даша поощряетъ его къ этой же переимѣнѣ. Ему казалось, что и она, находясь на такомъ далекомъ разстояніи, не только чувствуетъ, но даже мыслитъ одинаково съ нимъ.

Онъ ждалъ обѣденнаго часа, чтобы исправить свою вину. Раньше онъ не рассчитывалъ встрѣтить мать, такъ какъ она поѣхала въ усадьбу Ольги Сергѣевны.

Было часа четыре дня, когда онъ вышелъ во дворъ изъ флигеля, подчиняясь новой мысли, которая неожиданно для него самого пришла ему въ голову. Онъ быстро пошелъ въ домъ и вышелъ Любу.

— Не хочешь ли прокатиться верхомъ въ усадьбу тетюшки?—спросилъ онъ.—Вѣдь мать тамъ?

— Вотъ славная мысль!—поспѣшно отозвалась Люба, которая увидѣла въ этомъ предложеніи прекрасный результатъ своего разговора съ нимъ. До сихъ поръ онъ одинъ только разъ ѣздилъ верхомъ и то неохотно, только потому, что къ нему очень приставали.—Только бы не развѣхаться!

— Ну, тогда мы встрѣтимся на дорогѣ.

Онъ пошелъ на рабочій дворъ и распорядился, чтобы осѣдлали лошадей. Люба быстро собралась. Минутъ черезъ десять лошади стояли уже у крыльца. Онъ подсадилъ Любу, самъ сѣлъ, и они поѣхали.

— А, кажется, разучился сидѣть въ сѣдлѣ!—сказалъ Алексѣй.

— Можно отъ всего отвыкнуть, рѣшительно отъ всего!—отозвалась Люба.

Усадьба Ольги Сергѣевны была такъ близко, что собственно не стоило сѣдлать лошадей. Нельзя было даже пустить ихъ порядочнымъ галопомъ. Уже жару сбавило; отъ пруда, который имъ пришлось огибать, вѣяло прохладой. Алексѣй ощущалъ необыкновенную бодрость духа, давно уже покинувшую его.

Изъ-за высокихъ деревьевъ показались хозяйственные постройки, а потомъ и помѣщичій домъ. Ольга Сергѣевна жила, окруженная многочисленными родственниками все по боковымъ линиямъ и большею частью женскаго пола. Все это были неудачницы, не сумѣвшія устроить свою жизнь, нѣмая по своей винѣ, а другія по винѣ прокутившихся предковъ. Она занималась хозяйствомъ не ради нихъ, конечно, а просто потому, что у ней къ этому было влеченіе; но въ сущности всѣ плоды ея трудовъ шли на нихъ, а сама она объясняла это очень просто: «по крайней мѣрѣ мнѣ не скучно; а когда умру, будетъ кому пожалѣть обо мнѣ».

У родственниковъ были и дѣти; она ихъ воспитывала, платя за нихъ въ гимназію въ губернскомъ городѣ. Сама Ольга Сергѣевна давно овдовѣла, и дѣтей своихъ у нея не было. Петръ Сергѣевичъ, когда бывалъ у нея, смотрѣлъ на многочисленное населеніе ся усадьбы и потомъ говаривалъ:

— Множество крупныхъ недостатковъ есть у сестры Ольги, а какъ посмотришь на всю эту картину, то какъ-то все простишь ей и видишь, что нельзя не уважать ее.

Но имъ не пришлось дѣлать до самой усадьбы. Какъ только показался каменный заборъ, отдѣлявшій ее отъ хозяйственныхъ построекъ, носившихъ общее названіе сараевъ, изъ воротъ медленно выѣхала коляска. Въ ней сидѣла Марья Николаевна; а Ольга Сергѣевна шла рядомъ, очевидно провожая ее за ворота своихъ владѣній.

— А мы рѣшились составить тебѣ, мама, почетный конвой!—весело сказалъ Алексѣй.

— Вотъ и прекрасно! Я буду чувствовать себя очень важной особой!—отвѣтила Марья Николаевна, и мелькомъ съ благодарностью взглянула на Любу. Она поняла уже, что Алексѣй сталъ другимъ и притомъ именно подъ ея вліяніемъ.

— Но вы, должно быть, нарочно такъ пріѣхали, чтобы даже не заглянуть въ мой домъ!—съ легкимъ упрекомъ сказала Ольга Сергѣевна.

— О, тетунка, мы къ вамъ еще нагрянемъ, и въ самомъ скоромъ времени!—воскликнулъ Алексѣй.

И они сопровождали Марью Николаевну, всю дорогу перебрасываясь веселыми восклицаніями. Алексѣй былъ незнакомъ. Такимъ онъ былъ и за обѣдомъ, и на другой день, когда они всѣ поѣхали къ Ольгѣ Сергѣевнѣ; такимъ онъ остался до послѣдняго дня своего пребывания въ деревнѣ.

Въ концѣ августа получено было письмо отъ Петра Сергѣевича изъ Берлина; онъ писалъ, что ѣдетъ прямо въ Петербургъ.

— Ну, значитъ, и ты можешь вернуться къ своимъ скачкамъ!—вполнѣ дружески сказала ему Марья Николаевна.

— Я поѣду!—отвѣтилъ Алексѣй и, въ самомъ дѣлѣ, на другой день уѣхалъ въ Петербургъ.

Это было чудное путешествіе. Ничего въ пути не видѣлъ онъ замѣчательнаго; не произошло никакого случая, который развлекъ бы его; не встрѣтилъ онъ ни одного интереснаго спутника. Но онъ ѣхалъ съ примирительнымъ чувствомъ къ своимъ, ко всѣмъ, кого еще такъ недавно считалъ помѣхой, чуть не врагомъ. Онъ искренно жалѣлъ о первыхъ двухъ недѣляхъ, проведенныхъ въ деревнѣ, жалѣлъ, что не сумѣлъ владѣть собой, своимъ настроеніемъ и доставить столько горя матери. Но его примиряло то, что они разстались, попрежнему, друзьями. И какъ хорошо сдѣлала мать, что не только не настаивала на томъ, чтобы онъ долѣе оставался въ деревнѣ, а даже сама предложила ему ѣхать! Этими она внушила ему самое лучшее чувство. А главное, конечно, было то, что каждый день, каждый часъ приближалъ его къ Дашѣ, и онъ весь трепеталъ отъ восторга при мысли, что скоро они опять будутъ вмѣстѣ.

V.

Онъ не телеграфировалъ отцу о днѣ своего пріѣзда, но Даша знала день. На этотъ разъ ее не смутили ни вокзальная толпа, ни возможность встрѣтить знакомыхъ. Ей казалось невозможнымъ, неслыханнымъ, что не она первая увидитъ Алексѣя, когда онъ ступитъ на петербургскую почву, и она встрѣтила его.

Много имъ обоимъ надо было проявить характера, чтобы не упасть другъ другу въ объятія. Но они сумѣли все, что было у нихъ въ дунѣ, выразить взглядами и пожатіемъ руки.

— Другъ, милый, хорошій, драгоценный!—тихо говорилъ ей Алексѣй, не выпуская ее рукъ изъ своихъ, а Даша молчала и только улыбалась.—Вотъ мы опять вмѣстѣ и—все по-старому? А? Я такой же, какъ былъ; а ты?

— А я не такая!—тихо отвѣтила ему Даша.

— Что? Что ты сказала?—съ ужасомъ спросилъ Алексѣй.

— Я люблю тебя, какъ прежде! Довольно съ тебя?

— Да, это хорошо... Но... почему же ты не такая?

— Потомъ все скажу, только не тревожься. Ничего тревожнаго нѣтъ. Я только стала чуть-чуть пояснѣе видѣть...

— О, этого совсѣмъ не надо! Лучше быть слѣпымъ, но счастливымъ!

— Другъ мой, слѣпые не бываютъ счастливы! Слепота уже несчастье... Но тутъ нельзя философствовать,—поѣздамъ домой и часа въ два лѣтъся на нашу скамейку... Мы уже живемъ въ городѣ и твои—тоже, конечно?

— Я думаю, что отецъ не поѣхалъ на дачу. Во всякомъ случаѣ я останусь въ городѣ и приду...

Они простились. Въ это время около нихъ появилась высокая фигура, которую они съ перваго взгляда не узнали; но подошедшій приподнял фуражку.

— Мое почтеніе, Дарья Степановна!

— Здравствуйте!—сильно смутившись, отвѣтила Даша. Это былъ Швалько. Произошло неловкое замѣш-

тельство. Алексѣй не знаетъ этого человѣка и не знаетъ также, имѣетъ ли онъ право подойти къ Дашѣ и заговорить. Но Даша сама очень просто рѣшила дѣло.

— Вамъ вѣдь сюда? — сказала она, обратившись къ Алексѣю и указавъ на выходъ. — Я пройду съ вами...

И она пошла по направлению къ выходу, бросивъ на Швалько суровый взглядъ. Тотъ посторонился и далъ ей дорогу, и они оба прошли мимо него.

— Кто это? — спросилъ Алексѣй.

— Это товарищъ моего брата, технологъ!

Алексѣй тащилъ свой чемоданъ. Они вышли на площадъ, подѣхали извозчикъ, Алексѣй сѣлъ.

— Я буду! — сказалъ онъ и уѣхалъ.

Даша сейчасъ же повернула назадъ и пошла по пансели. Она шла довольно быстро, но позади нея чьи-то шаги раздавались еще быстрее. Швалько слѣдилъ за нею и теперь догонялъ ее. Если бы они были внимательны, то замѣтили бы, что онъ и раньше иногда появлялся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они бывали вмѣстѣ. Разъ три Швалько рисковалъ, что его замѣтятъ, но ловко ускользалъ.

Онъ и самъ не знаетъ, какъ это вышло, что онъ сдѣлался какъ бы присяжнымъ соглядатаемъ Дашини. Послѣ того объясненія на улицѣ, когда Даша шла на именины къ Сигишю, имъ овладѣло какое-то бѣшеное чувство. Если онъ до тѣхъ поръ былъ влюбленъ въ Дарью Степановну, то съ той минуты, какъ онъ ей намекнулъ о своемъ чувствѣ, чувство это сдѣлалось болѣзненно-мучительнымъ, и онъ сталъ слѣдить за нею. Разумѣется, онъ скоро сдѣлалъ открытіе, что Даша любитъ Берсенева, и это привело его въ ярость. Сегодня онъ пришелъ къ нимъ рано утромъ, сидѣлъ у Дмитрія, который съ недѣлю тому назадъ вернулся съ завода, и когда Даша собралась выйти, предложилъ проводить ее. Она отказалась. Въ немъ съ новой силой вспыхнуло бѣшенство.

Послѣ ея ухода, онъ черезъ минуту простился и вышелъ. Ему не трудно было прослѣдить, куда она пошла, и онъ явился на вокзалъ, предчувствуя, что увидитъ ихъ обоихъ. А здѣсь, когда онъ увидѣлъ слишкомъ, на его взглядъ, трогательную сцену встрѣчи, у него вдругъ явилось ненормальное желаніе смутить ее: онъ подошелъ, поздоровался и явственно видѣлъ, какой эффектъ произвело его появленіе.

Но это его не удовлетворило; онъ хотѣлъ «докопаться». Вотъ онъ уже поравнялся съ нею.

— А я догналъ васъ! — сказалъ онъ.

Лицо его было серьезно, но голосъ смѣялся.

Даша нахмурилась.

— Зачѣмъ вы догнали?

— Такъ... Намъ по дорогѣ... Только вы очень торопитесь.

Даша молчала. Они прошли такъ нѣсколько минутъ.

— Я знаю этого изящнаго господина, котораго вы встрѣтили! — сказала Швалько.

— Чтѣ изъ того, что вы знаете? — отозвалась Даша.

— Да ничего. Красивый малый... И главное — хорошей породы... Это видно... Блѣлая кость...

— Вы говорите это ему въ укоръ?

— Нѣтъ, не ему въ укоръ, а себѣ въ посрамленіе... Только всего... Потому что я, какъ вамъ извѣстно, не важной породы... поварской! Уменьшите скорость, Дарья Степановна, — вы легкая, а я тяжелый... И кость у меня темносѣрая...

— Что вы собственно хотите отъ меня, Швалько? — спросила его Дарья Степановна рѣзко.

— Ничего. Я хочу только проводить васъ до дому. Чтѣ я могу хотѣть? Я... отверженный поварской сынъ, только всего... Но по крайней мѣрѣ я теперь все понимаю...

— Значитъ, вы теперь можете оставить меня въ покоѣ? — уже не скрывая своего негодованія, сказала Дарья Степановна.

— То-есть, иными словами: пошелъ вонъ? — спросилъ Швалько, повернувъ лицо въ ее сторону, и отъ него пошелъ запахъ вина. Очевидно, онъ забѣжалъ въ буфетъ и выпилъ для смѣлости. Въ трезвомъ состояніи онъ не обладалъ такимъ нахальствомъ.

— Уже понимайте, пожалуйста, какъ хотите, только оставьте меня въ покоѣ; я хочу идти одна! — сказала Даша.

— Хорошо-съ, только имѣю честь доложить вамъ, что у меня вотъ тутъ (онъ указалъ на свою грудь) въ настоящее время кипитъ смола, которая можетъ обжечь и васъ... И знаете, я иногда... иногда тоже умѣю и мстить... Я злой! Я страшно злой!.. Это знаете...

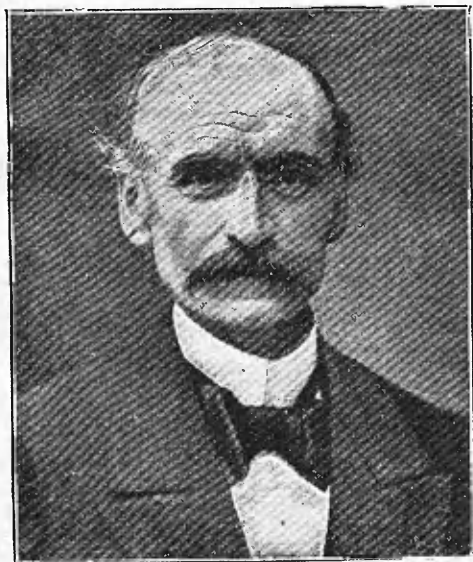
И послѣ этихъ словъ, онъ вдругъ отсталъ. Даша, почувствовавъ, что онъ остался далеко позади, замедлила шаги, такъ какъ она задыхалась и отъ быстрой ходьбы, и отъ этой отвратительной сцены.

Какъ она испортила ихъ встрѣчу! Надо разогнать это настроеніе, а то и безъ того Алексѣю придется выслушать отъ нея мало утѣшительнаго.

(Продолженіе будетъ.)

Парижская всемірная выставка 1900 г.

(Съ 10 рисунками и 2 портр.)

Генеральный комиссаръ выставки Альфредъ Пинауръ.

II.
Декретъ о выставкѣ. — Генеральный комиссаръ и директоръ эксплуатаціи. — Программа выставки. — Ея стоимость. — Начало работъ. — Большой и Малый дворцы искусствъ. — Павильоны великихъ державъ: Италіи, Турціи, Австро-Венгріи, Англіи, Испаніи и Германіи.

Въ іюлѣ 1892 года французскій министръ торговли, Жюль Рошъ, представилъ президенту республики рапортъ, въ которомъ говорилъ, что «въ тотъ часъ, когда закрывались двери всемірной вы-

ставки 1889 года, экспоненты и посетители инстинктивно назначали другъ другу свиданіе въ Парижѣ, въ 1900 году, на новой выставкѣ». Министръ находилъ, что выставки не только играютъ роль праздничныхъ дней отдохновенія для трудолюбивыхъ націй, но и походятъ на отдѣльныя вершинны-этапы, съ высоты которыхъ можно измѣрить пройденный путь; вслѣдствіе этого, онъ представлялъ поучительный примѣръ въ прошломъ, одушевляющій въ настоящемъ и дающій надежду на будущее.

Главный директоръ эксплуатаціи выставки М. Делонъ-Бельвиль.

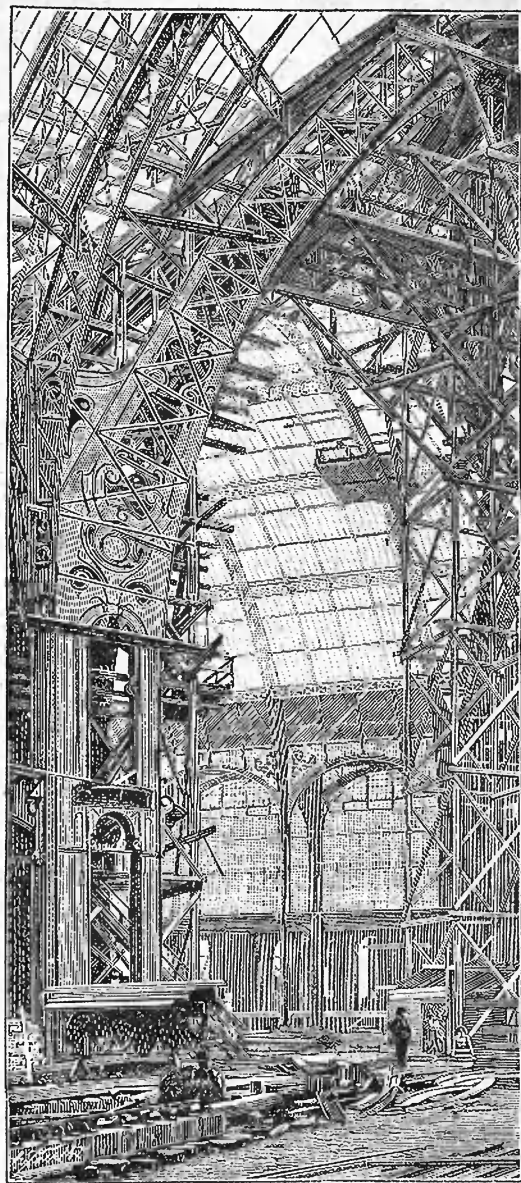
Они прибавляют, что выставка 1900 года будет синтезом духовной работы человечества XIX столетия. На основании этого рапорта президент Карно, 18-го июля того же года, подписать декрет об открытии в последнем году столетия всемирной выставки в Париже.

С тех пор уже четвертый президент становится во главе Франции, а министры торговли, в ведении которых считаются выставки, сменялись один за другим; республика переживала тяжелые времена убийства президента Карно, отставки Казимира Перье, смерти Феликса Фор, дрейфусиады, роулетского заговора, всевозможных смут и волнений, но дело выставки постепенно и быстро подвигалось вперед, врученное опычному руководству генерального комиссара, г. *Алфреда Пикара* (Picard) и главного директора экспозиции, г. *Делана-Беллиэ*, портреты которых читатели найдут на этих страницах *Нивы* (стр. 191).

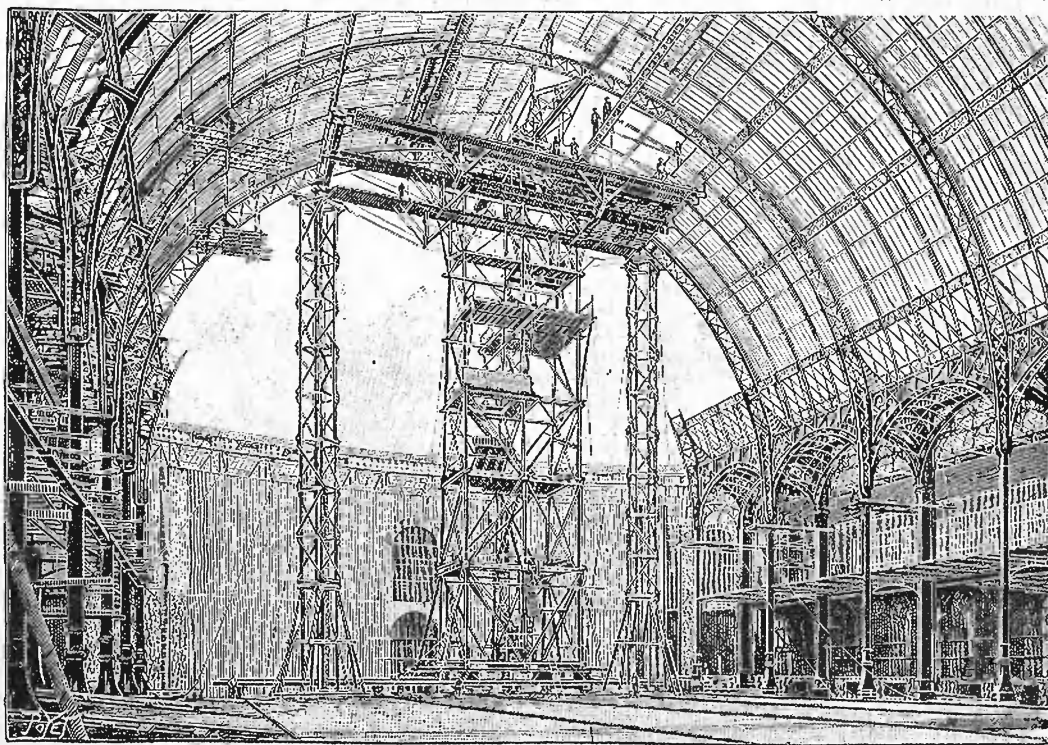
Генеральный комиссар — человек полной энергии, талантливый инженер, принимавший деятельное участие в фортификационных работах еще во время осады Меца, выполнивший много трудных инженерных предприятий во Франции и занимавший разнообразные должности по своей специальности. Большой и почетной известностью пользуется его колоссальный «Отчет о выставке 1889 года», изданный в десяти томах, за который он был награжден большим офицерским крестом Почетного Легиона.

В сотрудничестве с членами организационного комитета, г. Пикар выработал план и программу выставки, открытие которой позднейшим президентским декретом было назначено на 2-е апреля 1900 года.

Выставка по плану генерального комиссара, должна была занять обширную территорию Марсова поля, Трокадеро, набережной Орсе, Эспланады Инвалидов, набережной Конференции, Cours la Reine, дворца Промышленности и avenue d'Antioch. Это самое центральное место Парижа и представляло для посетителей большим удобством уже одним тем, что выставка приобретает единство. Подробно о ее расположении, плане, способах ориентировки и передвижения мы будем говорить впоследствии. Что же касается программы ее, то она составлена генеральным комиссаром следующим образом: первое место отведено экспонатам по группам воспитания и обучения — этим начинается жизнь человека и в правильной постановке воспитания и обучения заключается источник прогресса; затем следует группа произведений искусства — произведений человеческого духа; на третье место поставлены научные, материальные средства литературы, науки и искусства; далее следуют факторы современной производительности — механизмы и общие механические процессы, электричество, строительное дело, перевозочные средства; затем, в порядке постепенности, — сельское хозяйство, садоводство, лесоводство, охота, рыбная ловля, сбор естественных продуктов, пищевые средства, горное дело и металлургия. К двенадцатой группе отнесены декоративное и бытовое дело, мебельное производство и обстановка жилищ и общественных зданий; тринадцатая группа посвящена прикладным вещам, тканям и одежде; затем — техно-химическое производство, различные производства; как естественное следствие художественной, земледельческой и фабричной производительности является общественная экономия, общественная помощь и гигиена, которые и выданы в отдельную, шестнадцатую, группу. Две последние группы — семнадцатая и восемнадцатая — заняты колонизацией, армией и флотом, назначение которых заключается в обеспечении безопасности и защите благосостояния, добытых мирным гражданским трудом наций. Руководящим принципом, при выработке этой программы, было представить публике не только одни *результаты* производства, но и самые производства в полном ходу и тем осуществить образовательную цель выставки; таким образом, посетители будут иметь возможность присутствовать при всевозможных метаморфозах, претерпеваемых сырым материалом до конеч-

Парижская всемирная выставка 1900 г. Работы по возведению Большого дворца искусств. Боковые своды.

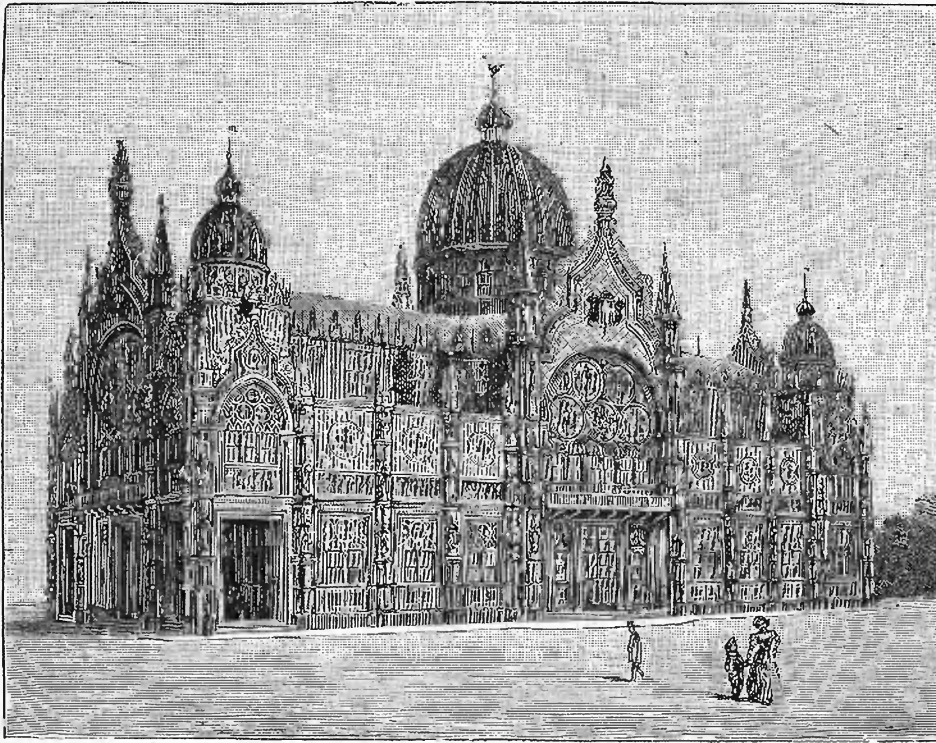
Парижская всемирная выставка 1900 г. Работы по возведению Большого дворца искусств. Средние леса.

ной выработки из него фабричного продукта. К этой величественной картине современного состояния науки, искусства и промышленности отличными дополнением явятся ретроспективная выставка истекшего столетия, и при каждой группе будет быть в родъ музея, в котором можно будет проследить эволюцию данного вопроса с 1800 года до наших дней.

Кроме того, будет и несколько специальных выставок — древнего искусства, антропологии, этнографии и пр., множество конкурсов (земледельческих машин, различных производств, рабочего скота и пр.), лекций и конгрессов. Конечно, не забыты ни развлечения, ни увеселения.

Стоимость устройства и эксплуатации выставки подсчитана во 100 миллионов франков; город Париж и государство участвуют в этой сумме со сорока миллионами, остальные же предполагается покрыть входною платою посетителей. Для реализации средств применен тот же способ лотерейных билетов (bons de l'Exposition), который уже, однажды, по по-

Парижская всемирная выставка 1900 г. Павильонъ Италіи.
По проекту К. Чеппи и Сальвадори, грав. Хельмштикъ.

чину г. Кристофли, были испытаны и дали блестящіе результаты (см. статью I).

По утверждениі плана и программы выставки было немедленно приступлено къ организации работъ, которыя и были открыты 29-го октября 1896 г. Первый періодъ этихъ работъ долженъ быть названъ «периодомъ разрушительнымъ». Дѣйствительно, отъ предыдущей выставки рѣшено было оставить лишь галерею машинъ и башню Эйфеля, и прежде чѣмъ приступить къ постройкѣ новыхъ дворцовъ въ Елисейскихъ поляхъ и на Марсовомъ полѣ, нужно было разрушить и срыть до основаній оставшіяся отъ прежней выставки зданія. Такимъ образомъ, быстро, точно по волшебству, исчезли съ лица земли дворецъ промышленности, главное выставочное зданіе (Dôme Central), дворецъ искусствъ. И на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стояли они и служили предметомъ удивленія и восхищенія публики, остались сначала одиѣ развалины, а потомъ не осталось и слѣдовъ бывшаго великолѣпія. По чужъ ли еще не быстрые разрушенія послѣдовало возведеніе новыхъ, еще болѣе грандіозныхъ и великолѣпныхъ зданій. Быстро выросли новые дворцы искусствъ — *Большой и Малый*. Наши рисунки (стр. 192) изображаютъ работы надъ установкой желѣзныхъ фермъ, связывающихъ куполъ надъ главнымъ входомъ Большого дворца; эти своды кажутся будто висющими въ воздухѣ и производятъ пріятное впечатлѣніе на глазъ своей легкостью и ажурностью. Для этихъ работъ были устроены боковые высокіе леса, а въ центрѣ главного входа другіе леса, очень сложной конструкціи, безопасные и удобные для рабочихъ и занимавшіе сравнительно немного мѣста.

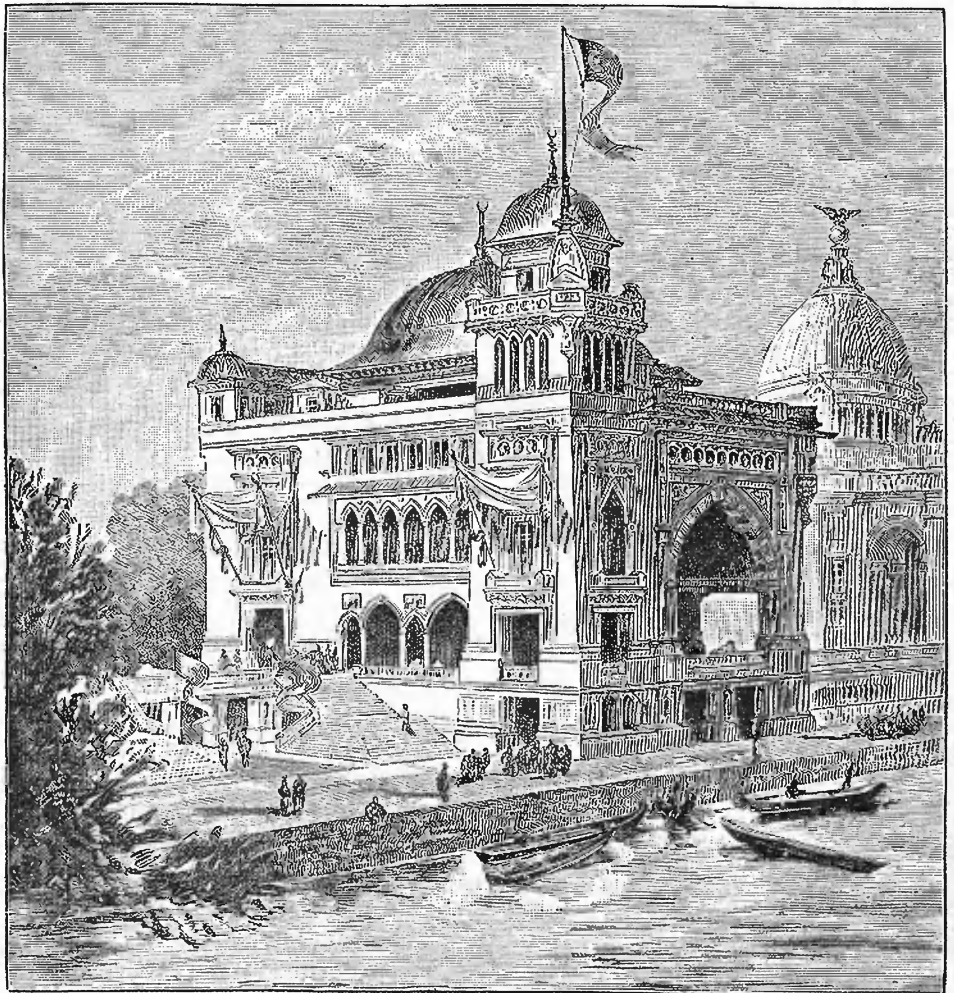
Зданія за зданіями, дворцы за дворцами и павильоны за павильонами выросли на мѣстѣ будущей выставки. И менѣе, чѣмъ въ четыре года, въ разныхъ пунктахъ, воздвиглись зданія, представляющія собою чудеса современной техники и прекрасные образцы новѣйшей архитектуры.

Въ настоящее время старый дворецъ промышленности замѣненъ уже двумя

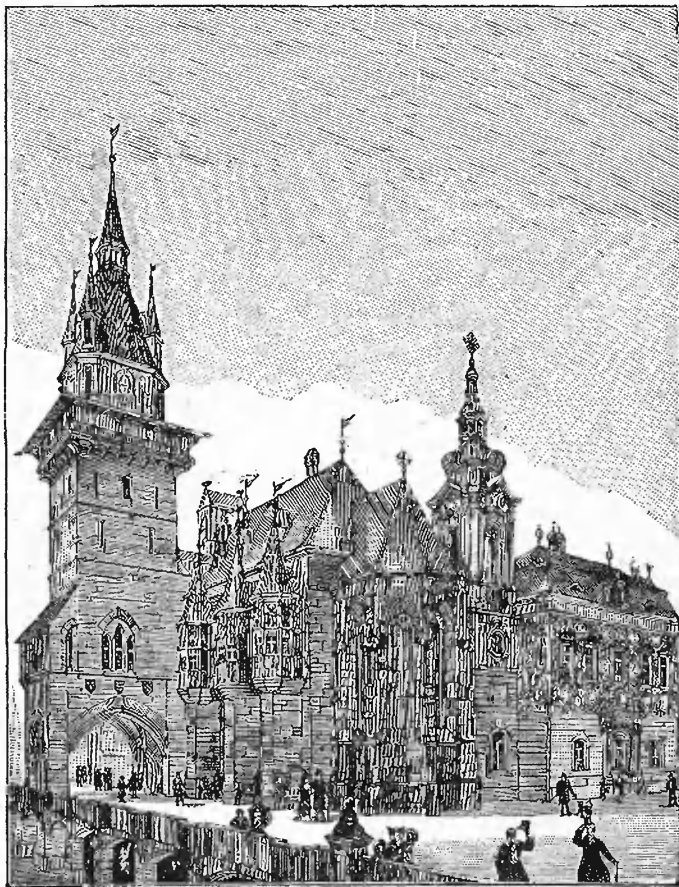
дворцами искусствъ. Эти дворцы, расположенные въ треугольникѣ, образуемомъ авеню Елисейскихъ полей, авеню d'Antin и набережной Сены, стоятъ другъ противъ друга, раздѣленные аллеей Александра III; эта аллея, продолженіемъ которой является мостъ Александра III, — заложенный во время торжественнаго посѣщенія Парижа Императоромъ Николаемъ II и въ настоящее время уже оконченный, — соединяетъ Елисейскія поля съ эспланадой Нивалидовъ и, слѣдовательно, связываетъ обѣ части выставки.

Большой дворецъ (стр. 197) выстроенъ по проекту архитекторовъ Лувэ, Дегаппа и Тома, получившихъ на конкурсѣ три первыхъ приза; по жюри, присуждавшее эти призы, признало въ каждомъ отдѣльномъ проектѣ существенныя достоинства и недостатки, почему и предложило архитекторамъ соединиться вмѣстѣ и выработать новый проектъ изъ трехъ или представленныхъ, взявъ изъ нихъ лучшее и устранивъ недостатки. За проектъ *Малого дворца* (стр. 196) первый призъ получилъ архитекторъ Жиро, который и былъ назначенъ главнымъ архитекторомъ по постройкѣ обоихъ дворцовъ.

Главный входъ на выставку находится въ лѣвомъ углу площади Согласія. Пройдя по набережной Сены до моста Нивалидовъ и перейдя черезъ него на набережную Орсе, посѣтитель достигнетъ самаго интереснаго угла выставки — знаменитой улицы Націй. Здѣсь, между мостомъ Нивалидовъ и Трокадеро, назначено мѣсто свиданія всѣхъ народовъ земного шара. На этой набережной отведены площади для иностранныхъ павильоновъ и, какъ увидятъ читатели, эти павильоны

Парижская всемирная выставка 1900 г. Павильонъ Турціи.
По проекту М. Дюбюссона, грав. Шлиперъ.

Парижская всемирная выставка 1900 г. Павильон Венгрии. По проекту архитекторов Балинта и Жамбора, грав. Шюблер.

чрезвычайно разнообразны, живописны и характерны, потому что сохраняют все особенности стиля и архитектуры каждого народа. Вызвая в цѣломъ, улица Наций дастъ посетителю какъ бы синтезъ національных особенностей народовъ земного шара, сосредоточенныхъ на пространствѣ обширнаго квартала большого города. Этотъ пестрый кварталъ резюмируетъ въ себѣ все, что есть замѣчательнаго и привлекательнаго въ нравахъ и обычаяхъ различныхъ народовъ, съ точки зрѣнія искусства, социологии и политической экономіи. Онъ является блестящимъ по удачному расположенію и архитектурнымъ постройкамъ, и крайне поучительнымъ для всякаго интеллигентнаго посетителя выставки.

Основная идея этихъ построекъ заключается въ томъ, чтобы сдѣлать павильоны гостеприимными салонами для представителей тѣхъ націй, которые посѣтятъ выставку. Одинъ изъ иностранныхъ комиссаровъ выразился, что его цѣлью будетъ «доставить своимъ соотечественникамъ кусочекъ родной территоріи, гдѣ бы они могли встрѣчаться съ друзьями, пользоваться журналами и газетами своей родины, путеводителями и гидами, имѣть подъ руками все удобства: пишущія машинки, стенографовъ, почту, телеграфы, телефоны, банкъ, бюро справокъ и пр.». Можетъ-быть, не все комиссары понимаютъ свою задачу такъ широко, какъ этотъ практическій представитель Соединенныхъ Штатовъ Америки, но несомнѣнно, что посетители выставки найдутъ въ этихъ роскошныхъ народныхъ дворцахъ, среди синтетиче-

ской обстановки родины, все, къ чему они привыкли у себя дома, и все, что отличаетъ одну націю отъ другой. Зрѣлище, которое представлять эти павильоны ночью, при электрическомъ освѣщеніи, будетъ поистинѣ волшебное, составивъ единственную въ мірѣ картину.

При входѣ въ улицу Наций съ моста Инвалидовъ первымъ является павильонъ *Италіи* (стр. 193) готическаго итальянскаго стиля; декоративные элементы постройки заимствованы архитекторами изъ венеціанской эпохи XVI столѣтія. Италія занимаетъ самую обширную площадь изъ всѣхъ площадей, предоставленныхъ иностраннымъ державамъ, благодаря особой ловкости и своевременности заявленій, сдѣланнаго ея комиссаромъ.

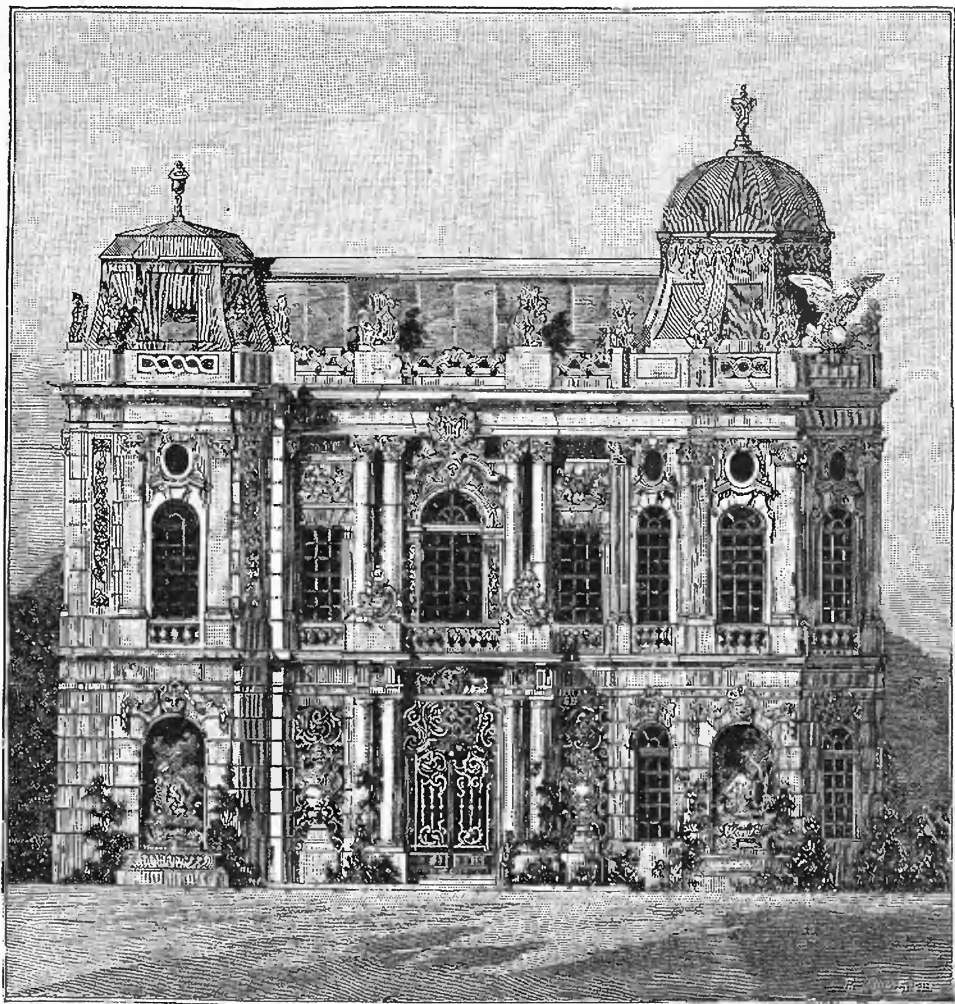
Рядомъ съ итальянскимъ, находится павильонъ *Отоманской имперіи* (Турція), выстроенный въ стилѣ расцвѣта турецкой архитектуры (стр. 193); однако, онъ выстроенъ французомъ г. Дюбюиссономъ по его же проекту.

Павильонъ *Австріи* представляетъ собою великолѣпное произведеніе архитектурнаго искусства въ стилѣ и во вкусѣ новейшихъ вѣнскихъ построекъ. Что же касается павильона *Венгрии*, то онъ является интереснымъ соединеніемъ всѣхъ стилей, послѣдовательно представившихъ въ архитектурномъ искусствѣ мадьяровъ, почему видъ венгерскаго дворца крайне своеобразенъ и замѣчателенъ.

Королевскій *Великобританскій* павильонъ (стр. 195) есть точное воспроизведеніе Kingston-House — великолѣпнѣйшее и вдохновеннѣйшее произведеніе англійской архитектуры XVII вѣка.

Павильонъ *Испаніи* (стр. 195) прилегаетъ съ одной стороны къ германскому павильону, а съ другой къ широкому бульвару, съ котораго отчетливо рисуется элегантная архитектура этого дворца. Онъ — въ стилѣ «испанскаго возрожденія» и детали его заимствованы у различныхъ историческихъ зданій; сюда вошли: фасадъ университета въ Алькала, выстроенный Родриго Онтаньономъ въ 1553 г.; главный фасадъ Альказара въ Толедо; саламанскій университетъ — цѣнный образецъ рѣдкаго стиля plateresco; дворецъ герцога Альбы и др.

Павильонъ *Германіи* (стр. 198) является всецѣло результатомъ личныхъ заботъ и указаній императора Вильгельма II, — этого энциклопедиста среди монарховъ и правителей Европы. Послѣ долгихъ замысловъ, обсужденій, дебатовъ и колебаній, проектъ былъ утвержденъ германскимъ императоромъ, который рѣшилъ, что

Парижская всемирная выставка 1900 г. Павильонъ Австріи. По проекту М. Баумана, грав. Шюблеръ.

павильонъ его имперіи вовсе не долженъ отличаться внешнею роскошью и нарядными блесками, такъ какъ и тѣмъ, и другимъ, конечно, нѣтъ удивить на этой блестящей выставкѣ. Поэтому германскій павильонъ выстроитъ въ стилѣ строгаго «нѣмецкаго возрожденія» и напоминать лучшіе образцы старинной юреспергской архитектуры, сравнительно скромной, но элегантной въ своей простотѣ; онъ имѣетъ чрезвычайно типичный видъ и заскачетъ

общимъ своимъ выдержаннымъ стилемъ, высокой башней, позолоченными крышами маленькихъ башенокъ, темно-красными кирпичными стѣнами и скромною стѣнною живописью, дающею ноту оживленія общему темноватому фону зданія. Зато внутреннее содержаніе этого павильона будетъ чрезвычайно богато, полно и разнообразно, о чемъ мы и поговоримъ впоследствии при подробномъ описаніи выставки.

Старый грѣхъ.

Очеркъ Ал. Дебз.

I.

Штабсъ-ротмистръ Головановъ проснулся въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа. Несмотря на одиннадцатый часъ, онъ и не думалъ приступать къ своему утреннему туалету: онъ аппетитно позавывалъ, потягивался въ теплой постели и самодовольно улыбался.

Не дальше, какъ вчера, онъ совершенно неожиданно получилъ повѣстку отъ дяди изъ деревни на кругленькую сумму въ 500 рублей.

Вчера же изъ самаго достовѣрнаго источника, а именно отъ своего полкового товарища, поручика Ливанова, который, кстати сказать, обладалъ непостижимою способностью узнавать самыя современныя тайны строевой и хозяйственной канцелярій, — Головановъ узналъ, что онъ, въ числѣ двухъ другихъ счастливицевъ, представленъ къ ордену.

Но къ этимъ двумъ сюрпризамъ присоединился еще и третій.

Во вчерашнемъ полковомъ приказѣ, гдѣ были объявлены результаты осенняго смотра, замѣчавшему обученіемъ молодыхъ солдатъ третьяго эскадрона штабсъ-ротмистру Голованову была объявлена высшимъ начальствомъ особая благодарность за блестящее обученіе ввѣренныхъ ему людей. Штабсъ-ротмистръ былъ названъ «выдающимся» и поставленъ въ примѣръ прочимъ офицерамъ не только полка, но и дивизіи.

Наплывъ такихъ разнородныхъ радостей до того пріятно волновалъ все существо офицера, что онъ не могъ сосредоточиться на одной какой-нибудь мысли.

«Недурно! право, недурно! Служу всего десятый годъ, а черезъ два-три мѣсяца буду имѣть и престъ на шею!»

«Ужъ не вреть ли этотъ всезнайка Ливановъ?» — тѣмъ неудовольствію скользнула по лицу Голованова.

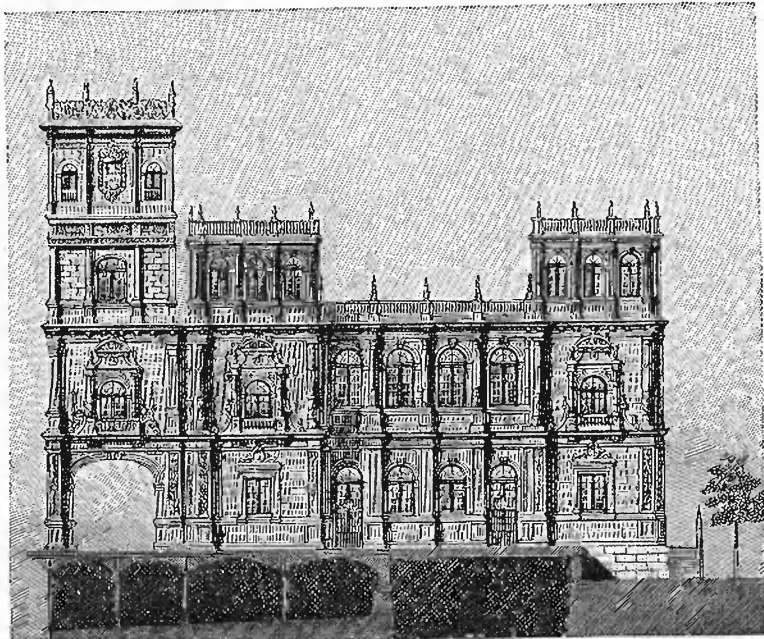
«Э, нѣтъ! Ливановъ не совреть. Хотя онъ и принадлежитъ къ разряду «сазопницъ въ мундирѣ», но фемелально отличается отъ нихъ тѣмъ, что никогда ничего не прибавить и не убавить, не любить никакой «отсебятинны»...

Онъ протянулъ руку къ стѣнѣ и надавилъ пуговку электрическаго звонка.

Въ спальню вошелъ дежикъ, солдатикъ съ осмысленнымъ, открятымъ лицомъ.

— Чего изволите, вашсбродіе?

— Ефимъ Корытинъ, другъ ты мой любезный, подай-ка вчерашній приказикъ; да посмотри, не потерялъ ли я повѣстку, — поминись, я положилъ ее на письменный столъ.

Парижская всемірная выставка 1900 г. Павильонъ Испаніи.

По проекту М. Уріосте Веласа, грав. Шюберль.

Про повѣстку Головановъ спросилъ только для того, чтобы доставить себѣ невинное удовольствіе лишний разъ взглянуть на нее; онъ прекрасно зналъ, что повѣстка на столѣ.

— Сию минуту, вашсбродіе! — и Ефимъ исчезъ.

Не прошло и минуты, какъ расторопный дежикъ вручилъ барину требуемое.

Штабсъ-ротмистръ уныло посмотрѣлъ на повѣстку, взялъ литографированный листъ, махнулъ дежнику рукой, что обозначало: «можешь проваливать», и, закуривъ папиросу, сталъ перечитывать приказъ, смакуя мѣста, касавшіяся лично до него.

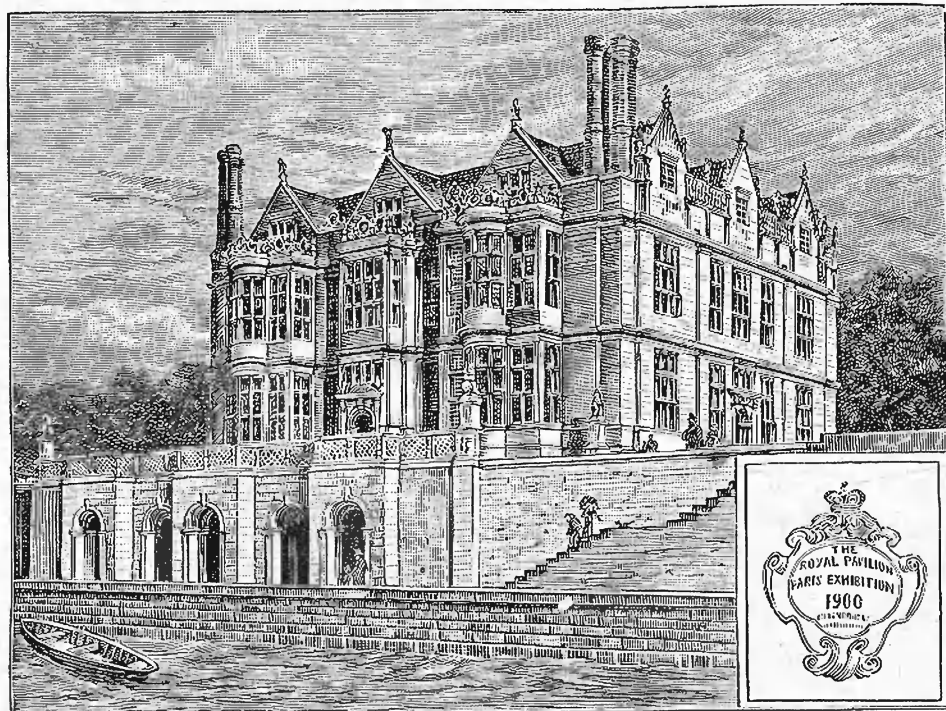
Разобрать детально всѣ выраженія и насладившись похвалою, Головановъ положилъ листъ на ночной столикъ.

«Что говорить! смотрѣть было «чистота въ отдыхъ!» Дистанціи были, какъ отъмеренныя... Какъ лихо вся смѣла вскочила въ седло на широкомъ галопѣ! Только этотъ подлецъ Лукса застрялъ! Ну, да, къ счастью, все начальство къ нему спиной стояло...»

«А все-таки такіе люди, какъ Ливановъ, мнѣ положительно непонятны, — ударился вдругъ въ философію нашъ бадень съ судьбы. — Съ какимъ неподдельнымъ восторгомъ сообщалъ онъ мнѣ эту конфиденціальную новость объ орденѣ; можно было подумать, что этотъ всевѣдущій поручикъ искренно радъ за меня! А между тѣмъ я знаю, какъ онъ недоброжелателемъ вообще, а ко мнѣ особенно.»

Дальше анализировать подобныхъ людей Голованову не захотѣлось, и онъ рѣшилъ, что жизни, несмотря на всѣ превратности ея, прекрасная и занятѣйшая штука! Тутъ же промелькнула у него въ головѣ какая-то Нина Александровна...

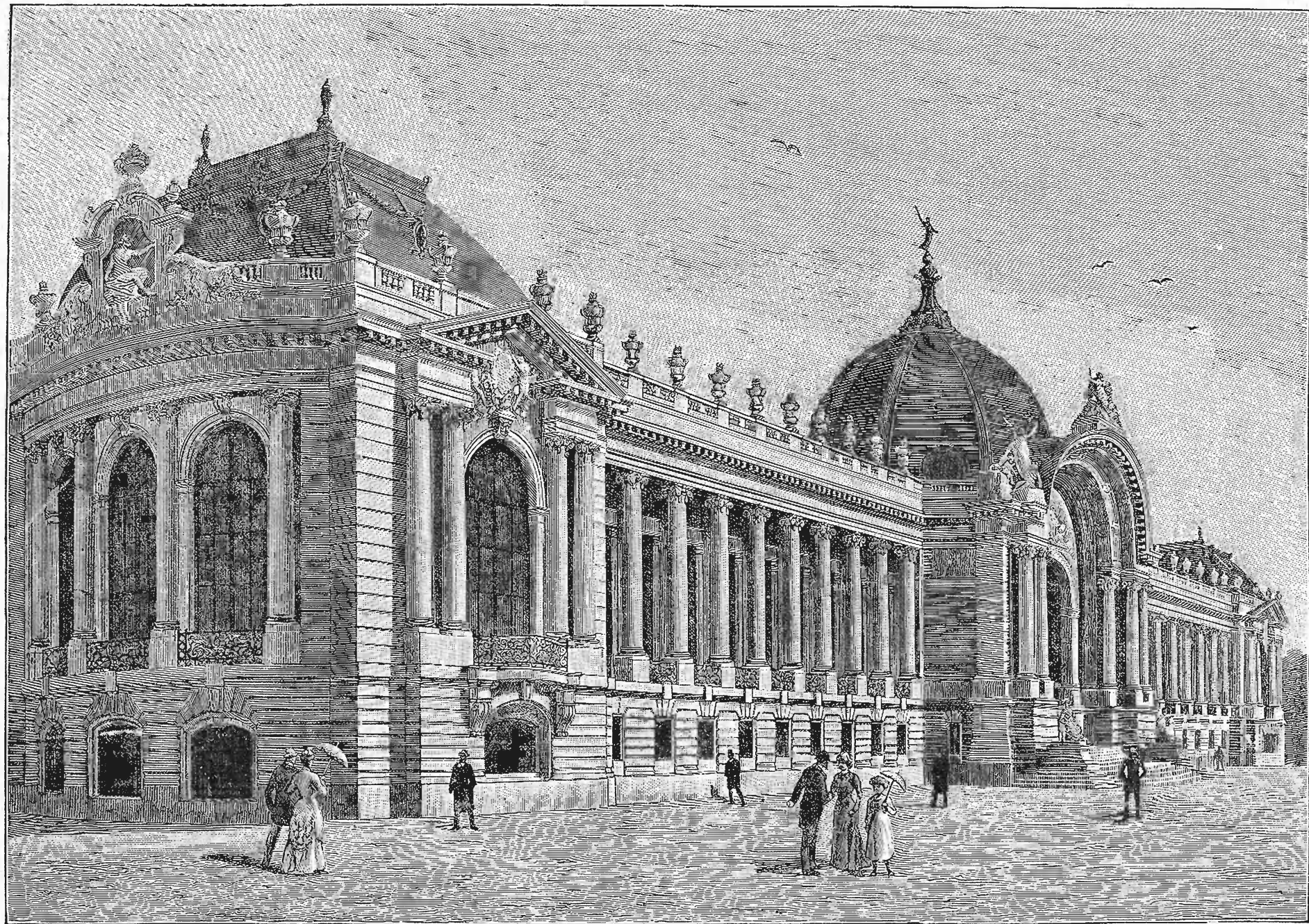
Неожиданно размышленія Голованова

Парижская всемірная выставка 1900 г. Павильонъ Великобританіи.

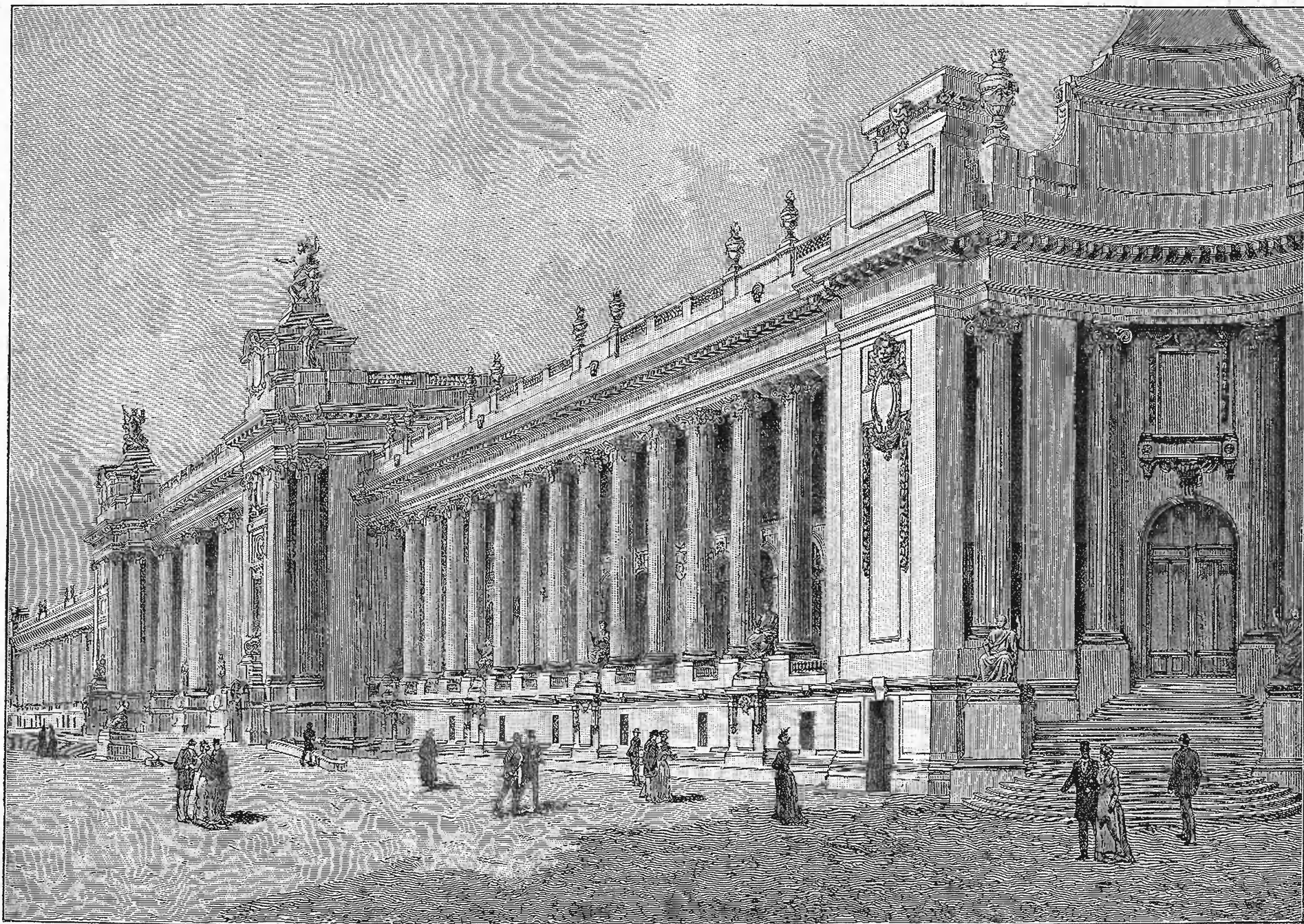
По проекту М. Лютоенса, грав. Хельмкй.

Парижская всемирная выставка 1900 г. Малый дворец искусствъ. По проекту Жиро, грав. Рашевскій.

Парижская всемирная выставка 1900 г. Большой дворец искусств. По проекту Жиро, грав. Рашевский.

приняли совсѣмъ другое направленіе. Надо отдать полную справедливость Евгению Николаевичу, — такъ звали Голованова, — что въ своихъ денежныхъ дѣлахъ онъ, несмотря на любовь «пожить», былъ чрезвычайно аккуратенъ.

Теперь вспомнилось ему, что портному за сюртукъ необходимо заплатить 65 рублей, въ офицерскую артель 75 рублей, эскадронному кузнецу за перековку «Аиды» — 3 рубля.

«И отлично! Значитъ, за уплаты этихъ долговъ, у меня остается 357 рублей! Молодецъ, дядя, порадовалъ пособіемъ! Мѣсяцъ на исходе, сдѣловательно, и отъ отца получу скоро положенную порцію — три радужныя. Можно и кутнуть!..»

Прошло 12, и Головановъ, сбросивъ съ себя одѣло и спустивъ ноги на коверъ, зарычалъ речитативомъ:

— Е-фимъ! Е-фимъ, скорѣй сандалинъ и то-гу!!

Ефимъ, который, въ ожиданіи звонка барина, мирно сидѣлъ въ кухнѣ на табуретѣ и забавлялся тѣмъ, что, ломая себѣ пальцы, придавалъ имъ самыя причудливыя скупленія, при этомъ ужаснѣйшемъ воплѣ своего барина, какъ оглашенный, сорвался съ мѣста и бросился въ комнаты.

— Чего изволите? — произнесъ оторопѣвшій денщикъ.

Онъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на штабсъ-ротмистра, не выпускавъ изъ своей руки ручку полуоткрытой двери.

Испуганная, смѣнная до невозможности физиономія Ефима отъ дупли разсмѣшила Евгения Николаевича.

— Дуринда, дуринда! Сапоги мнѣ подай, понимаешь? Сапоги и рейтузы, — сквозь смѣхъ проговорилъ штабсъ-ротмистръ.

Корытникъ, обрадованный тѣмъ, что все недоразумѣніе такъ благополучно окончилось, разсмѣялся самъ и кинулся въ кухню за сапогами.

II.

«Сандалинъ» были поданы, и Евгений Николаевичъ, при помощи денщика, принялся одѣваться.

— Ну, что, Ефимъ, радъ небось, что скоро копченый службѣ? — вступилъ по обыкновению Головановъ въ разговоръ съ денщикомъ.

— Такъ точно, вашсбродіе, — съ сіяющимъ счастьемъ лицомъ отвѣчалъ Ефимъ. — Охота увидѣть стариковъ своихъ, да и по жинѣ соскучился!

— Ну, за это молодецъ, что не забылъ родныхъ! А другіе — уйдутъ на службу, да навсегда и забудутъ своихъ.

— Это точно, вашсбродіе, всѣкіе биваютъ! Только я такъ полагаю, вашсбродіе, что такіе люди ничего не стоящіе.

— Конечно. Разъ у человѣка нѣтъ любви къ матери, къ отцу, къ родимъ, такъ ужъ такой человѣкъ — дранцо.

Евгений Николаевичъ, засучивъ рукава, подошелъ къ умывальнику.

— На службу, вашсбродіе, жалиться мнѣ не годится, — поливая воду изъ кувшина на руки барина, продолжалъ разсуждать Ефимъ. — Въ денщикахъ очень выгодно мнѣ было, да и привылъ очень къ вашсбродію; а только Бога надо благодарить, что благополучно окончилъ службу, безъ всякаго, значитъ, штрафа.

— Что же, развѣ не надѣялся на себя?

— Такъ точно, вашсбродіе, очень ужъ я горячъ за себя. Къ примѣру сказать, коли выгнаетъ кто понапрасно, другому человѣку ничего, а у меня отъ вѣтраго самага все нутро переворачивать и укротить себя не могу, потому — я самъ чувствителенъ до своей вины; если виноватъ, такъ ужъ самъ повинюсь и безъ наказаніевъ совѣмъ истомлюсь.

— Такъ-то оно такъ; а сдерживать себя необходимо. Мало ли бываетъ несправедливостей! — Ну, лей, лей, чего жалѣешь воду-то.

— Вотъ этого самага я и опасался, вашсбродіе, что не сдержаться, — продолжалъ откровенничать Ефимъ: — да Богъ помиловатъ,

а не далеко было отъ грѣха! Какъ еще повобразами мы были, такъ въ ту пору часто грудь у меня разбивало отъ бѣды: за это за самое меня и назначили въ денщики. Только грудь-то и разболѣлось до того, что почитай ходить трудно, а надо идти сдѣлать, я и говорю унтеръ-офицеру Косенкѣ, старшій былъ надъ нами, говорю: «Кузьма Ляксъ, больно грудь разошлось, не смогу ѣхать сегодня». А они меня бацъ по затылку, да и говорятъ: «Ахъ, ты, лодарь ты противный!» Другіе солдатики такъ и покатались, потому очень ужъ смѣнно старшій подзатыльники давалъ... Страсть осерчалъ я въ ту пору на Кузьму Ляксъ: задарма лодаремъ обозвалъ, да на смѣхъ подымаетъ!.. Въ глазахъ у меня затряслось... Богъ сдержалъ, вспомнилъ про мать-старуху и укротился!..

— Да, братъ, счастливъ твой Богъ, что укротился... Лей на голову, лей вотъ сюда, ниже, — показывалъ рукой на шею Головановъ. — Такъ, такъ!.. Ухъ, хорошо... Брр... брр... — съ удовольствіемъ

отфыркивался штабсъ-ротмистръ отъ холодной воды. — Стой, довольно!

— Около уха, вашсбродіе, еще мыло есть.

— Ну, лей еще... Смелось?

— Такъ точно, — теперь чисто.

Ефимъ поставилъ на полъ кувшинъ и поторопился подать барину мохнатое полотенце.

Освеженный холодною водою, Евгений Николаевичъ закуталъ полотенцемъ голову и, кряхтя отъ удовольствія, сталъ вытираться.

Вдругъ онъ остановилъ эту операцію, открылъ свою расстегнутую, подумокру голову и обратился къ денщику, прибравшему умывальный столъ.

— А что, Ефимъ, хотѣлъ бы ты имѣть часы?

Ефимъ оставилъ свои занятія и, съ мокрой тряпкой въ оттопленной рукѣ, повернулъ къ барину вопросительную физиономію.

— Каки часы, вашсбродіе?

— Какъ какіе! Карманные, серебряныя часы, — пояснилъ Головановъ, продолжая прерванное вытираніе.

У денщика лицо расплылось въ блаженную улыбку.

— Какъ не хотѣть, вашсбродіе.

— Какіе же часы хотѣлъ бы ты имѣть, открытые или закрытые, съ ключомъ или безъ ключа?

— Закрытые, вашсбродіе, вотъ такі, какі у Шлюпикова, у денщика нашего ротмистра. Они изволили ему къ празднику подарить.

— Ладно! Сегодня же получишь часы за чест-

ную четырехлѣтнюю службу у меня денщикомъ.

— Покорнѣйше благодарю, вашсбродіе! — отчеканилъ Ефимъ, просіявшій отъ неожиданнаго счастья.

Минутъ черезъ десять, Головановъ, совсѣмъ одѣтый, сидѣлъ въ своей маленькой столовой и пилъ чай, а затѣмъ приказалъ подать себѣ шашку и пальто, одѣлся и ушелъ.

III.

Домой возвратился Евгений Николаевичъ около двѣнадцати часовъ ночи.

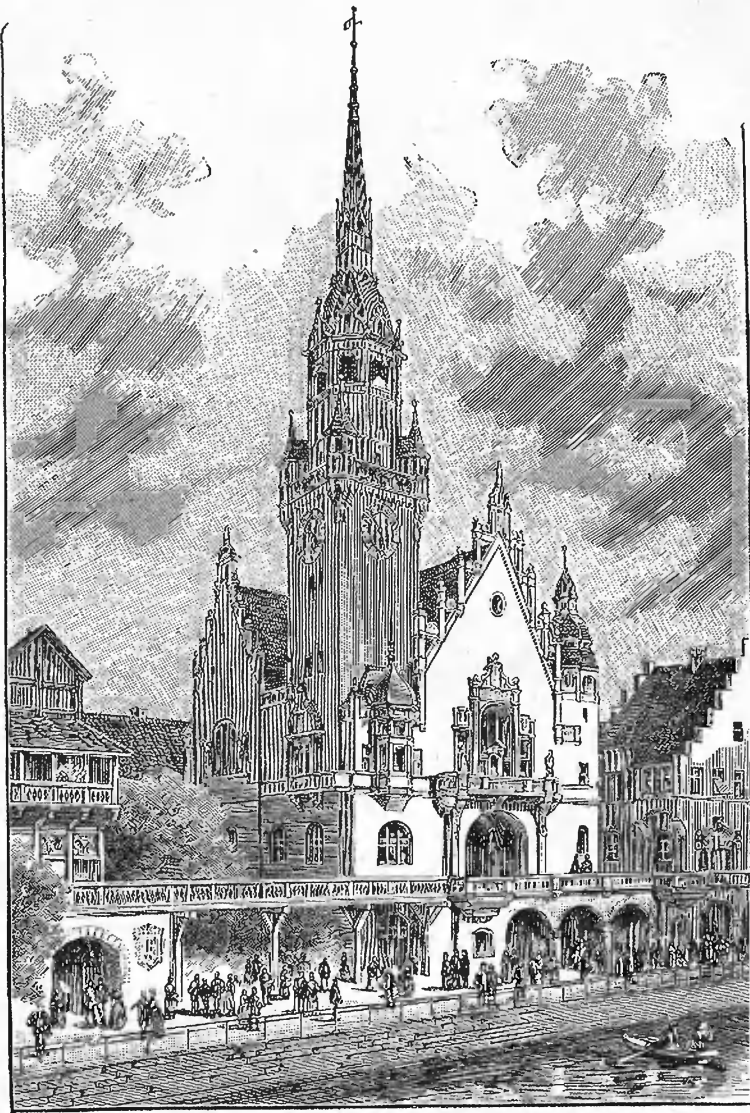
— Что, приказъ принесли? — спросилъ штабсъ-ротмистръ Ефима, снимавшаго съ него пальто.

— Такъ точно. Приказъ на письменномъ столѣ. Завтра манежъ вашсбродіе, отъ 7 часовъ утра.

— Экая ранъ кака! — проворчалъ съ досадою Евгений Николаевичъ. — Загля-ка лампу въ кабинетъ.

— Сію минуту!

Ефимъ повѣсилъ пальто и поспѣшилъ исполнить приказаніе. Тѣмъ временемъ Головановъ спалъ съ собою шашку и пальто, повѣсивъ ихъ на вѣшалку, выпустивъ изъ кармана пальто небольшой свертокъ и пошелъ въ кабинетъ. Ефимъ, урегулировавъ свѣтъ лампы, вышелъ.

Парижская всемірная выставка 1900 г. Павильонъ Германіи.
По проекту М. Бошпедта, грав. Хельмидкій.

Положив сверток на письменный стол, Евгений Николаевич сѣлъ къ столу и углубился въ чтеніе литографированнаго листа.

Ничего интереснаго въ приказѣ не было, онъ убѣдился только, что къ завтра его смѣны дѣйствительно назначена въ семь часовъ, а следовательно вставать завтра придется не позже половины шестого. Еще разъ выругавшись на такой ранній часъ, Головановъ развернулъ принесенный пакетикъ, содержимое котораго оказалось кожанымъ футляромъ. Штабсъ-ротмистръ открылъ крышку; въ футлярѣ, на синемъ бархатномъ фонѣ, блестяшіе серебряные часы съ выгравированною на верхней крышкѣ надписью по кругу всадника, берущаго барьеръ; часы окружены были толстой, серебряной цѣпочкой.

Евгений Николаевичъ позвонилъ.

Вошелъ Ефимъ.

— Спасибо тебѣ, Ефимъ, за твою вѣрную службу.

— Радъ стараться, вашебродіе!

— Подучай часы, совсѣмъ какъ у Шлюпикова, — вставъ съ кресла, обратился Головановъ къ Ефиму и подаль ему открытый футляръ съ часами.

— Послѣ эти часы и помни, что подучилъ ты ихъ за твою отличную-усердную, а главное — честную службу у меня денщикомъ. Промоли ми съ тобой четыре года; черезъ два—три мѣсяца ты уйдешь къ себѣ домой, уйдешь, и, быть-можетъ, иногда въ жизни мы съ тобой не встрѣдимся, забудешь меня...

— Никакъ нѣтъ, вашебродіе! — блѣдный отъ волненія пролепеталъ Ефимъ, держа передъ собой футляръ и не спуская глазъ съ говорившаго штабсъ-ротмистра.

— Забудешь меня, такъ не бѣда! забыть легко, не забывай только одного: оставайся честнымъ всегда и во всемъ!... Еще разъ спасибо тебѣ за службу и желаю отъ всей души счастья.

— Постараюсь, вашебродіе!... — не помня что, шепталъ подавленнымъ голосомъ до слезъ растроганный Ефимъ.

— Ну, чего, дуринда, разревѣлся, какъ баба! Радоваться надо, — ты эту награду заслужилъ, — подбадривалъ Головановъ своего денщика, хотя у самого какія-то непроизвольныя слезы подступали къ горлу.

— Уходить, вашебродіе!... отъ вашебродіа страсть тяжело... Не забуду вашебродіа во мнѣ добро...

Головановъ подошелъ къ Ефиму, вынулъ изъ футляра часы, взялъ денщика за руку, подвелъ его къ лампѣ и показалъ на верхнюю крышку часовъ:

— Видишь, что тутъ написано? Читай.

Ефимъ быстро отсрынулся отъ барина, поспѣшно смахнулъ рукою наплывшія слезы и, наклонившись къ часамъ, сталъ вслухъ разбирать выгравированную надпись:

«Рядовому Ефиму Корытину за его честную четырехлѣтнюю службу денщикомъ у штабсъ-ротмистра Голованова».

— Покорѣйше благодарю, вашебродіе! — разгибая спину и усиленно вбирая носомъ воздухъ, бормоталъ Корытинъ.

— Постой, постой, — Евгений Николаевичъ открылъ крышку часовъ: — читай здѣсь.

Ефимъ опять наклонился къ часамъ и на внутренней сторонѣ крышки прочелъ:

«Оставайся честнымъ, какимъ былъ на службѣ».

— Такъ-точно, вашебродіе, честность опричь всего! — продолжалъ фыркать носомъ, согласился денщикъ.

Головановъ взялъ отъ Ефима футляръ, уложилъ въ него часы и цѣпочку и передалъ ихъ Корытину.

— Покорѣйше благодарю, вашебродіе! — не переставалъ благодарить Ефимъ, принимая футляръ съ часами. Онъ находилъ, что благодарность эта слишкомъ суха, недостаточна; ему хотѣлось бы поблагодарить поискреннѣе, но иначе, кромѣ этой, уставомъ утвержденной формы, онъ не умѣлъ, да и не смѣлъ излиться передъ своимъ прямымъ начальникомъ.

— Иди съ Богомъ, да приготовивъ постель, я скоро пойду спать; завтра надо будить меня въ половинѣ шестого.

Головановъ сѣлъ къ столу и принялся за какой-то уставъ.

Ефимъ не сразу пошелъ исполнить приказаніе штабсъ-ротмистра: слова барина расстроили его не на шутку, да и часы-то очень ужъ обрадовали его: хотѣлось насидѣть, не торопясь, разглядѣть ихъ хорошенько.

Придя въ кухню, Ефимъ выморкался, вынулъ изъ кармана платокъ, вытеръ имъ лицо и руки, сѣлъ на койку къ столу, на которомъ горѣла жестяная лампа, и приступилъ къ самому тщательному осмотру подарка.

Онъ вынулъ часы изъ футляра и сталъ разглядывать верхнюю крышку съ спланившимъ черезъ барьеръ кавалеристомъ... Прочелъ надпись, тяжело вздохнулъ и проговорилъ:

— Добрый, душевный баринъ! На рѣзкость!...

Надавивъ пружину, Корытинъ открылъ часы и сталъ разсматривать циферблатъ... Затѣмъ, съ усиленіемъ, поломалъ себѣ при этомъ палецъ большого пальца, онъ открылъ заднюю крышку и углубился въ разсмотрѣніе механизма съ его блестящими колесиками, зубчиками и винтиками.

Насладившись вполнѣ этимъ предварительнымъ осмотромъ, Ефимъ надѣлъ часы на себя, подошелъ къ висѣвшему на стѣнѣ зеркальцу и полюбовался баскомъ на мундирѣ серебряной цѣли, засунувъ растопыренные пальцы правой руки за бортъ мундира, такъ что цѣль приходилась теперь поверхъ этой руки...

— Вотъ такимъ манеромъ надо патреты сдѣлать безпремѣнно! — подумалъ вслухъ Корытинъ, прельщенный своимъ видомъ. — Барину дать, да съ собой въ деревню повезти!

Ефимъ вынулъ часы и открылъ ихъ. Его забавляли неизбежныя манипуляціи, связанныя съ желаніемъ взглянуть, который часъ...

— Часы важнѣйшіе, аккуратъ какъ у Шлюпикова! — съ сіяющимъ лицомъ проговорилъ Ефимъ.

Закрывъ часы и зашнуровавъ ихъ за бортъ мундира, Корытинъ вынулъ изъ кухоннаго стола чистый листъ бумаги, отшнуровалъ отъ тутъ же въ столѣ лежащей краюхи чернаго хлѣба кусокъ мякоти и скрутилъ изъ нея четыре шарика. При помощи этихъ шариковъ наклеилъ листъ на стѣну, какъ-разъ надъ койкой, и молоткомъ выдолбилъ по серединѣ листа два гвоздика. Затѣмъ, снявъ съ себя часы, повѣсилъ ихъ на одинъ гвоздь, цѣль на другой, а самъ присѣлъ на койку, чтобы убѣдиться, удобно ли будетъ лежа узнавать время.

Оставшись вполнѣ доволенъ этой «репертичкой», Ефимъ вскочилъ съ койки, надѣлъ часы и поспѣшилъ въ спальню барина приготовить постель.

IV.

Черезъ полчаса въ квартирѣ Голованова наступила полная тишина.

Баринъ и денщикъ улеглись спать.

Ефимъ не могъ заснуть. Чисто-дѣтскій восторгъ, обуревавшій его, заглушившій собою даже печальныя мысли о скорой разлукѣ съ баринкомъ, теперь, въ этой темнотѣ, въ этой ночной тишинѣ, прерываемой однообразнымъ чиканіемъ новыхъ часовъ, замѣнился какимъ-то неопредѣленнымъ, тяжелымъ и тоскливымъ чувствомъ. Ефимъ всей душой успѣлъ привязаться къ Голованову... Но вѣдь, разставшись съ сердечнымъ штабсъ-ротмистромъ, онъ вернется домой, къ себѣ на родину...

Въ головѣ денщика съ поразительной ясностью предстала его бѣдная, но сердцу милая деревушка съ покосившимися, соломой крытыми, избами.

Каждая изъ этихъ убогихъ избъ будила въ немъ дорогія воспоминанія... Вотъ и его изба, на краю у самой рѣчки. Не рѣдко знойнымъ лѣтомъ онъ купался съ парнями въ этой рѣчкѣ, раковъ ловилъ...

Скоро, скоро настанетъ давно желанное время, онъ увидитъ это все. Обниметъ отца, мать, жену... Жену онъ оставилъ «на сносяхъ», черезъ недѣлю, какъ онъ ушелъ, она родила ему Дуню; скоро дочуркѣ шестой годочекъ пойдетъ, а Ефимъ еще и не видѣлъ ея.

А часы на стѣнѣ продолжаютъ тикать... Радостныя картины свѣтлаго будущаго, охватившія-было Корытина, сразу исчезли и заволоклись опять тяжелымъ туманомъ. Опять это неопредѣленное налетѣло на него и сжало сердце.

— О, Господи! — тяжело вздохнулъ Ефимъ. — Да что бы это такое было?.. Барина жаль, что ли?..

Сдается Ефиму, что надо вспомнить что-то и, когда онъ вспомнитъ это, — тогда и узнать причину давящей его тоски.

Онъ безпокойно ворочается на койкѣ, напрягаетъ память... но напрасно!..

Часы не прерываютъ свою однообразную цѣль. Прислушиваясь къ пей, Ефимъ все думаетъ, что вотъ-вотъ сейчасъ припомнитъ онъ это «что-то», не дающее ему покоя...

Дѣйствительно, въ головѣ Корытина пронеслось что-то близкое къ разгадкѣ, быть-можетъ сама разгадка, но пронеслось это до того быстро и неопредѣленно, что схватиться за эту мысль онъ не успѣлъ.

Наконецъ, чтобы отдѣлаться отъ неспокойнаго чувства, Ефимъ направляетъ всю силу своихъ мозговыхъ способностей на то, чтобы полученный подарокъ, намѣреваясь всецѣло отдаться пріятнымъ ощущеніямъ, вызываемымъ этимъ подаркомъ... Къ несчастію, и это не удается! Неугомонный червь точитъ Ефима и отравляетъ собою все самыя сладкія размышленія о новыхъ часахъ.

— Господи, Боже мой, хотѣ бы заснуть поскорѣе! — громко простоналъ Корытинъ, перекрестился, повернулся на другой бокъ и легъ съ головой подъ одеяло...

По сонѣ бѣжитъ отъ него. Онъ совсѣмъ истомился на своей койкѣ. Одеяло давить его, подушка какъ-то глупо и неудобно сбилась.

Ефимъ сбросилъ съ себя одеяло, закинулъ за голову руки.

— А!.. такъ вотъ оно, это самое, что грызетъ и пудитъ все нутро!.. Воръ, воръ! — бормоталъ Корытинъ...

Случилось «это» въ концѣ октября, въ концѣ перваго мѣсяца службы Ефима въ денщикахъ у штабсъ-ротмистра, тогда еще поручика.

Было воскресенье. Пообѣдавъ въ эскадронѣ, Корытинъ вернулся домой и, пользуясь тѣмъ, что барина нѣтъ дома, принялся на сдобѣ за чистку самовара, какъ въ дверь кухни кто-то постучалъ. Это былъ его землякъ, Иванъ Пучковъ, пожилой мужикъ въ сѣромъ вѣшкѣ.

Радость, вызванная неожиданнымъ свиданіемъ, была не продолжительна; не веселыя вѣсти привезъ землякъ:

— Передъ самой страдой градъ пронесъ съ небывалой силой надъ Приновкой (деревня Ефима) и побилъ всѣ посѣвы до корня; въ остальной округѣ недородъ!.. Совсѣмъ пропащее дѣло!..

Пучковъ рассказывалъ дальше, что мѣсяцъ назадъ, въ сентябрѣ, когда онъ проѣздомъ былъ въ Приновку, приновцы уже тогда бѣдствовали до послѣдней крайности. Старикъ Архипъ, бабунка Кузьминиха да двое ребятишекъ умерли, по мнѣнію Пучкова, не отъ чего другого, какъ отъ голодухи... Что же будетъ дальше?!

Крѣпко задумался Ефимъ надъ тѣмъ, какъ бы помочь семьѣ своей!

Долго совѣщались пріятель и пріинли къ одному общему, печальному заключенію, что для счастья необходимы деньги, на худой конецъ рублей десять.

— А гдѣ ихъ взять?!

Этотъ вопросъ остался открытымъ.

По уходѣ зсмляка, Ефимъ, пріиближенный страшнымъ извѣстіемъ, принялся снова за прерванное занятіе.

Самоваръ стоялъ уже на полкѣ и блестя, какъ никогда; на столѣ давно горѣла лампа, а Ефимъ, растянувшись на койкѣ, не переставалъ изыскивать способъ, какъ бы выйти изъ своего безпопечнаго положенія.

Наконецъ, послѣ долгаго обдумыванія, Корытинъ убѣдился, что единственный исходъ — это обратиться къ Бондаренкѣ, денщику полковника. У этого денщика водились деньги, но, къ несчастію, онъ былъ такъ скупъ, что весь эскадронъ зналъ его не иначе, какъ «жидоморомъ», а потому Ефимъ мало надѣялся на успѣхъ.

Въ первомъ часу ночи грустными размышленіями Корытина были прерваны звономъ барина.

Но не совсѣмъ твердой походѣй барина и по другимъ примѣтамъ Ефимъ догадался, что поручикъ «малость загулявши».

Раздѣвъ барина и получивъ строжайшее приказаніе будить его не позже десяти часовъ, Ефимъ, забравъ съ собой для чистки сапоги, сюртукъ и рейтузы, отправился въ кухню.

Корытинъ уже взялся за щетку, какъ вдругъ, случайно взглянувъ на переброшенный черезъ руку, подкладкою вверхъ, сюртукъ, онъ увидѣлъ торчащую изъ бокового кармана десятирублевку...

Замеръ Ефимъ... Вотъ та самая «красненькая», которая всѣмъ вечеръ мерещилась смутъ. Въ ней, въ этой десятирублевкѣ, спасеніе всей его семьи!

Не долго думая, обрадованный до самозабвенія, Ефимъ вынулъ желтую бумажку изъ кармана сюртука и ниснулъ ее подъ матрацъ.

Онъ зналъ, что баринъ въ боковомъ карманѣ носитъ только крупныя деньги, и потому сунулъ руку опять въ этотъ карманъ: но денегъ больше не оказалось; Корытинъ окончательно разочаровался: значить эта десятирублевка какъ-нибудь одна застряла въ карманѣ!..

— Надо-быть, поручикъ и не спохватится съ! — утѣшала себя Ефимъ. — Коли господа офицера загуляютъ, такъ деньгами такъ и сыплютъ, а поручикъ поплѣ загулявши здрово, гдѣ тамъ примѣтитъ одну бумажку! Подумаешь, что потрагилъ, аль обронилъ.

Однако, несмотря на такой счастливый оборотъ дѣла, Ефимъ не отказался отъ первоначальной мысли обратиться на другой день съ просьбою къ Бондаренкѣ и, если этотъ послѣдній не откажетъ ему въ деньгахъ, то рѣшилъ возратить поручику десятирублевку, объяснивъ, что нашелъ ее гдѣ-нибудь въ кабинетѣ на полу.

На слѣдующій день Бондаренко наотрѣзъ отказалъ Корытину въ его просьбѣ: съ другой стороны поручикъ не вспоминалъ о пропавшихъ деньгахъ.

Черезъ день Ефимъ отправилъ съ отбѣзжающимъ въ деревню Пучковымъ десять рублей голодающей семьѣ.

Четыре года совѣсть не подавала голоса. Но теперь проснулась она и съ необузданной силой принялась грызть и рвать на части все существо Ефима.

V.

Протерзавъ себя мучительными воспоминаніями этого рокового случая, Корытинъ нервно всталъ съ койки, дрожащими отъ волненія руками зажгъ лампу, снялъ часы и прочелъ вслухъ:

«Ефиму Корытину за честную службу»...

— Никакъ нѣтъ, вѣсбродіе! — обращаясь лицомъ къ двери, прошепталъ денщикъ озлобленнымъ голосомъ. — Ефимъ Корытинъ — воръ, съ самаго первоначала — воръ!..

Ефимъ положилъ часы на столъ, сѣлъ на койку, опустилъ голову и застылъ...

Мрачнѣе и мрачнѣе становится на душѣ Корытина. Чѣмъ больше надумывается онъ въ совершенное преступленіе, тѣмъ омерзительнѣе представляется оно ему, тѣмъ все болѣе убѣждается онъ въ невозможности загладить его.

Проститъ Богъ, простятъ люди? А кому простятъ? «Вору» — Ефиму Корытину!.. Онъ воръ и до могилы останется воромъ...

Ефиму сдѣлалось невыносимо жалъ и барина, и себя, и маленькую Душю... Безпросвѣтная тоска сдавила грудь, онъ бросился головой въ подушку и зарыдалъ...

Постепенно сдавленныя всхлипыванія стихли, и Ефимъ, разбитый физически и нравственно, впадаетъ въ тяжелое забытіе...

Со всѣхъ сторонъ громады, свинцовыя тучи надвигаются на Ефима, слышатся страшные раскаты... раскаты переходятъ въ какой-то ужасный, адскій хохотъ, волосы становятся дыбомъ отъ этого хохота... Ефимъ хочетъ бѣжать, но ноги не повинуются, и онъ остается въ этомъ хаосѣ... Неожиданно все исчезаетъ... Передъ Ефимомъ его темная, градомъ побитая полоса, а на ней, у

камня, сидитъ дѣвочка лѣтъ пяти. Ефимъ чувствуетъ, что эта дѣвочка — его Дуся... Онъ подходитъ ближе и... леденѣетъ отъ ужаса: его маленькая Дуся вся въ крови, а около нея не камень, а Пучковъ, который одной рукой затягиваетъ серебряную нѣпь на шеѣ дѣвочки.

Ефимъ проснулся. Все тѣло его было покрыто холоднымъ потомъ...

Ефиму сдѣлалось до того жутко, что онъ не въ силахъ былъ дольше оставаться одинъ, и онъ кинулся къ двери, чтобы бѣжать прямо къ барину.

Полоткрывъ дверь, онъ вдругъ остановился... Часы въ кабинетѣ пробили пять. По этимъ часамъ Ефимъ привыкъ проводить время, по нимъ онъ исполнялъ свои обязанности, а потому ихъ бой, несмотря на возбужденное состояніе денщика, привлекъ его вниманіе.

Ефимъ вспомнилъ, что черезъ полчаса онъ долженъ будить барина. Значить, черезъ полчаса кончится для него эта ужасная, тягелая ночь!

Корытинъ принялся одѣваться.

Одѣвшись, онъ, по обыкновенію, сталъ на молитву; но никогда Ефимъ не молился такъ долго и такъ горячо, какъ въ это утро.

Окончивъ молитву, Корытинъ сѣлъ на койку, вытеръ платкомъ лицо и глубоко задумался...

Часы въ кабинетѣ пробили половину. Корытинъ всталъ и направился къ барину.

Войдя въ спальню штабсъ-ротмистра, Ефимъ черкнулъ свѣчку и зажгъ на ночномъ столѣ свѣчу.

— Вѣсбродіе, вѣсбродіе! Половина шестого, время вставать! — настойчиво повторялъ денщикъ, стоя у кровати барина и слегка касаясь рукой одеяла.

Послѣ долгихъ приставаній и болѣе энергическихъ подергиваній за одеяло, Ефиму удалось наконецъ вырвать штабсъ-ротмистра изъ крѣпкихъ объятій Морфея. Головановъ закурилъ папиросу.

Убѣдившись, что баринъ окончательно проснулся, денщикъ вернулся въ кухню, взявъ со стола часы, бережно положилъ ихъ въ футляръ, глубоко вздохнулъ, перекрестился и съ футляромъ въ рукахъ пошелъ къ штабсъ-ротмистру.

— Вѣсбродіе, я не смѣю взять этихъ часовъ, — войдя въ спальню, твердымъ голосомъ произнесъ Ефимъ.

— Что такое? Какъ не смѣю? — недоумѣвая Евгенийъ Николаевичъ.

— Такъ точно, вѣсбродіе, не смѣю! Тутъ на нихъ обозначено за честную службу, а я — воръ, вѣсбродіе! — почти прокричалъ Ефимъ.

— Какъ воръ? — воскликнулъ пораженный штабсъ-ротмистръ.

Онъ приподнялся на постели и сѣлъ, не снукая удивленныхъ глазъ съ денщика.

— Вѣсбродіе, вы изволили полагать, что я честный, и, по добротѣ вашей, любилъ меня и наградили, — а я воръ, съ самаго первоначала, сегодня! Явите Божеску милость, вѣсбродіе, возьмите часы, а меня отдайте подъ судъ. Вѣкъ буду Бога молить за вѣсбродіе! Терпѣнія моего нѣтъ больше, болѣе нѣмъ нутро грызетъ, вѣсбродіе!

Недоумѣніе Голованова росло. Онъ взялъ изъ рукъ Ефима футляръ, поставилъ его на ночной столъ и потребовалъ отъ денщика подробнаго объясненія.

Безыскусственный, чистосердечный рассказъ Корытина о преступленіи, трогательная причина, вызвавшая самую утайку злощастной десятирублевки, наконецъ несказанно описание нравственныхъ страданій, испытанныхъ Ефимомъ послѣ полученія подарка, — все это до такой степени было проникнуто сердечной теплотой и искренностью, что Евгенийъ Николаевичъ, послѣ этого добровольнаго признанія, еще болѣе увѣрился въ безупречной честности и благородствѣ Корытина.

Какъ прямой начальникъ Корытина, штабсъ-ротмистръ считалъ однако своимъ долгомъ объяснить подчиненному всю несправедливость поступка его. Закончивъ Головановъ свое паставленіе тѣмъ, что возвращалъ Корытину часы, прибавивъ, что за чистосердечное раскаяніе онъ прощаетъ Ефиму десятирублевку и навсегда забываетъ этотъ случай.

— Никакъ нѣтъ, вѣсбродіе, забыть это никакъ невозможно, — съ глубокимъ вздохомъ, задумчиво произнесъ Ефимъ. — А часовъ, вѣсбродіе, мнѣ не надо, и безъ нихъ не забуду теперь, что я воръ! Службу свою они справили, безъ нихъ, поди, и не вспоминай бы о грѣхѣ!.. Пущай судъ накажетъ, по крайности буду знать, что пострадалъ по закону...

Какъ ни уговаривалъ Евгенийъ Николаевичъ денщика, какъ ни доказывалъ ему, что онъ исполнилъ уже свою вину признаніемъ, Ефимъ оставался непреклоненъ, и въ концѣ концовъ штабсъ-ротмистръ долженъ былъ уступить настоятельной просьбѣ денщика. Евгенийъ Николаевичъ съ тяжелымъ сердцемъ подписалъ рапортъ о кражѣ десяти рублей рядовымъ Ефимомъ Корытинымъ.

Къ рисункамъ.

Миссіонерская дѣятельность въ Китаѣ находится преимущественно въ рукахъ іезуитовъ. Въ 1820 году было въ Китаѣ уже 6 епископовъ, 80 туземныхъ священниковъ и болѣе 200.000 обращенныхъ въ христіанство. Главнымъ орудіемъ миссіонерской дѣятельности іезуитовъ являются школы. Въ пятидесятыхъ годахъ было у нихъ болѣе двухсотъ школъ для мальчиковъ и дѣвочекъ.

Въ началѣ же 80-хъ годовъ въ распоряженіи іезуитовъ было уже, кромѣ школъ, 34 монастыря съ коллежиями при нихъ, разбросанныхъ по всему Китаю. Іезуитскіе патеры, давно зарекомендовавшие себя своей самоотверженной миссіонерской дѣятельностью, дѣйствительно очень много сдѣлали для распространенія свѣта христіанства въ китайской массѣ. Шанхай — центръ ихъ миссіо-

перской деятельности. Тамъ имѣется іезуитскій монастырь съ высшей коллегіей при немъ, нѣсколько миссіонерскихъ школъ для дѣвочекъ и для мальчиковъ, подготовляющихъ обращенныхъ и не-обращенныхъ дѣтей китайцевъ для поступленія въ коллегію. Всѣ эти учебныя заведенія богато снабжены учебными пособиями и вообще обставлены образцово.

На нашемъ рисункѣ представлена классная комната одной изъ начальныхъ миссіонерскихъ школъ въ Шанхаѣ, въ которой китайскія дѣти, мальчики и дѣвочки, обучаются свропейской грамотѣ и общимъ образовательнымъ предметамъ. Обученіе идетъ весьма успѣшно, главнымъ образомъ, потому, что іезуиты-миссіонеры прекрасно владѣютъ китайскимъ языкомъ и вообще всячески стараются привлечь къ себѣ дѣтей. Для того, чтобы достичь этого, они не останавливаются даже передъ тѣмъ, чтобы пресобразиться по внѣшнему виду въ истинныхъ китайцевъ: они носятъ китайское одѣяніе и даже отпускаютъ себѣ косы; въ большинствѣ случаевъ, однако, они носятъ привязныя косы, что, впрочемъ, продѣлываютъ и истинные китайцы.

Зимнее утро. На открытыя снѣгомъ поляхъ собралась деревенская молодежь для сбора хвороста, на опушкѣ лѣса. Работаютъ эти подростки дружно. Одинъ таскаетъ хворостъ, другой укладываетъ его на сани, третій перевозываетъ хворостъ, четвертый обрубаетъ топоромъ пелужные сучья. Двое остальныхъ пока отдыхаютъ, а потомъ повезутъ сани, нагруженные хворостомъ въ деревню. Такова картинка художника Н. П. Творожниковъ—«За хворостомъ» — очень милая по замыслу, по типичному пейзажу нашей сѣверной природы и по группировкѣ фигуръ.

Поконный доссельдорфскій художникъ Мунте особенно любить писать зимніе ландшафты. Съ одинаковымъ искусствомъ изображалъ онъ поля и лѣса, покрытые бѣлой пеленой только-что выпавшаго снѣга, и тѣ темныя зимніе дни, когда снѣгъ рыхлится и таетъ, ручьи освобождаются отъ ледяныхъ покрововъ, а дороги и тропинки дѣлаются непроходимыми. Зимнее утро — одна изъ его лучшихъ картинъ и даетъ намъ зимній ландшафтъ въ теплое, пасмурное утро той поры года, когда зима доживаетъ послѣдніе дни и въ воздухѣ чувствуется уже отдаленное, слабое, еле уловимое, дыханіе весны. Картина Мунте производитъ пріятное впечатлѣніе своимъ меланхолическимъ настроеніемъ и мастерскимъ исполненіемъ, въ которомъ чувствуется личность художника-поэта.

Е. А. Баратынскій. (Портр. на этой стр.)

19-го февраля т. г. исполнилось ровно 100 лѣтъ со дня рожденія очень виднаго въ свое время поэта, замѣнашаго въ плеядѣ писателей молодой пушкинской эпохи одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Въ этотъ день въ 1800 г. родился Евгеній Абрамовичъ Баратынскій. Произведенія этого поэта въ началѣ текущаго столѣтія — и по историческимъ справкамъ, и по замѣчанію А. С. Пушкина, — «были встрѣчены съ восторгомъ». Знакомъ и тонкій цѣнитель изящнаго, Пушкинъ причислялъ своего друга къ «отличнымъ нашимъ поэтамъ», находилъ въ его произведеніяхъ «гармонію стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія, которыя должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ». Дельвингъ, Плещевъ, Гнѣдичъ, Жуковский — всѣ петербургскіе друзья и товарищи Баратынскаго по перу, а также московскій кружокъ — бр. Кирѣевскіе, Хомяковъ, Д. Давыдовъ и кн. П. А. Вяземскій — были горячими поклонниками его поэтическаго таланта.

Но популярность Баратынскаго была очень непродолжительна. Написалъ о немъ двѣ статьи Вѣлискій, и какъ бы по мановенію волшебнаго жезла весь престижъ Баратынскаго палъ. Въ настоящее время большинство русскихъ читателей знакомо съ этимъ поэтомъ только по одному его стихотворенію: «На смерть Гёте».

Между тѣмъ, Баратынскій на самомъ дѣлѣ, хотя и не былъ гениемъ, какъ Пушкинъ, все же былъ поэтъ даровитый и даже блестящій. Онъ не создалъ ничего, подобнаго «Евгенію Онегину»; но написалъ не мало прекрасныхъ стихотвореній, чарующихъ насъ игривой прелестью стиха, свѣжестью и остротою мысли. У него есть прекрасныя сюжеты, въ частностяхъ сходные съ нѣкоторыми сюжетами Пушкина («Балъ», «Эда», «Пыгалька»), часто замѣчательныя по богатству творческаго замысла; но ни одного изъ нихъ онъ не отдалъ до минуты внутренняго содержанія. Какъ бы торопясь покончить съ работой, онъ оставляетъ безъ гармоническаго объединенія отдѣльныя детали, приставляетъ къ прекрасно-исполненному корпусу вчернѣ набросанный контуръ головы, обрываетъ начатое, утомляется и сразу обнажаетъ свой замыселъ, тѣмъ и портитъ эффектъ.

По все-таки онъ былъ замѣчательный поэтъ: недаромъ всѣ современники такъ имъ восхищались; недаромъ его сочиненія появились въ 4-хъ переводахъ на нѣмецкій и французскій языки, и въ одномъ — на шведскій. Если Вѣлискій нападать на него, то не безъ основанія можно усмотрѣть въ этомъ перенесеніе недовольства съ цѣлаго кружка московскихъ писателей, съ которыми сошелся Баратынскій, поселившись въ Москвѣ, на самого поэта.

Была и другая причина такого недовольства. Грустные, pessimистическіе аккорды въ настроеніи, мимолетныя разочарованія поэта, съ которыми онъ относился иногда къ западно-европейскому просвѣщенію и культурѣ, вызвали гнѣвъ критика. Съ этой стороны особенно характерно стихотвореніе Баратынскаго «Истина», которое, вмѣстѣ съ «Примѣтами», было главнымъ основаніемъ для всѣхъ нападокъ Вѣлинскаго. Поэтъ, «о счастья съ младенче-

ства тоскуя», удрѣлъ передъ собою Истину и говоритъ:

Нѣтъ, я не твой! Въ твоей наукѣ строгон
И счастья не пайду;
Поклонь меня: кой-какъ моею дорогой
Одинъ я побреду.

За подобныя мыслы Вѣлискій обвиняетъ поэта въ ретроградствѣ, но, насколько онъ правъ, — можно судить уже потому, что даже его современники не могли понять, изъ-за чего загорѣлся сыр-бор...

Стоитъ прочесть первые стихи изъ его же «Послѣдняго поэта»:

Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенія
Поэзии ребяческіе сны.
И не о ней хлопотать поколѣнья,

Промышленнымъ заботамъ преданы, — чтобы видѣть, съ какою, именно, просвѣщеніемъ не мирится поэтъ. А его посланіе «Гнѣдичу» служитъ настоящимъ нагляднымъ истинному просвѣщенію и наукѣ; эта же любовь къ просвѣщенію проходитъ чрезъ всѣ его стихотворенія, гдѣ онъ касается вопросовъ бытія, мысли и проч.

Ближе всего можно убоиться, насколько справедливъ Вѣлискій, если прочитать его отзывъ о классическомъ стихотвореніи «На смерть Гёте». Критикъ не отказывается отнести его къ разряду «образованныхъ», но никакъ не хочетъ помириться съ этими стихами:

...ничто не оставлено намъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта;

На все отозвался онъ сердцемъ своимъ.
 Что просить у сердца отвѣта:
 Крылатою мыслью онъ миръ облетѣлъ,
 Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Если справедливъ укоръ критика, что эта мысль не вѣрна фактически (кто же не видитъ здѣсь гиперболы,—обычнаго поэтического приема?), почему онъ не остановился на слѣдующихъ стихахъ о томъ, что Гете

Ручья разумѣлъ лепетанье
 И говоръ древесныхъ листовъ понимать,
 И чувствовать травъ прозябанье,
 Была ему лѣтняя книга ясна,
 И съ нимъ говорила морская волна?—

Баратынский былъ сынъ сенатора Абрама Андреевича, женатаго на фрейлинь императрицы Маріи Осодоровны, Александрѣ Осодоровнѣ Черепановой. Въ жилищѣ его текла польская кровь. Отецъ поэта былъ лицомъ близкимъ къ императору Павлу Петровичу, который пожаловалъ ему 1000 душъ въ Тамбовской губерніи. Здѣсь, въ селѣ Вязлѣ, Кирсановскаго уѣзда, 19-го февраля 1800 г. родился поэтъ. Домашнее образование онъ получалъ подъ руководствомъ итальянца Боргезе,—человѣка, который не далъ ему ничего, кромѣ развѣ свѣдѣній объ Италіи. Зато нѣжно-любящая мать вложила всю душу въ воспитаніе своего первенца. Десяти лѣтъ мальчикъ былъ привезенъ въ Петербургъ и, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ одномъ пансіонѣ, былъ опредѣленъ въ Царскій надѣстскій корпусъ (1812 г.). Учился онъ довольно хорошо и велъ себя сначала прекрасно. «Штрафованъ не былъ, поведения хорошаго, права хорошаго» — такъ аттестовали его въ первый годъ обученія, «прихвѣтный по поведенію и праву» — отзвѣтка, повторившаяся и въ послѣдующіе годы. Но на пятый годъ своего пребыванія въ корпусѣ мальчикъ началъ «пошалить». Сначала эти шалости были чисто-ребяческаго свойства, но потомъ онъ совершилъ предосудительный поступокъ, и Баратынский въ числѣ другихъ по приказанію Государя былъ исключенъ изъ корпуса съ «воспрепятствіемъ когда-либо поступать на военную службу» (1816 г.).

Несчастнаго юношу взяли къ себѣ его дядька Богданъ Андреевичъ въ с. Подвойное смоленской губ., гдѣ онъ пробылъ около года. Жизнь въ деревнѣ благотворно подѣйствовала на нравственно-истерзаннаго юношу, и скоро онъ началъ добиваться, во что бы то ни стало, военной службы, желая смыть свое пятно предъ Государемъ. Въ 1818 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и послѣ долгихъ успій ему удалось поступить рядовымъ въ егерскій гвардейскій полкъ. Въ Петербургѣ онъ свелъ знакомство съ Пушкинымъ, Дельвигомъ, Гиббичемъ и Жуковскимъ, былъ принятъ въ ихъ средѣ, какъ даровитый поэтъ, и въ этой поэтической атмосферѣ написавъ большую часть своихъ мелкихъ стихотвореній. Въ 1820 г. онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры неиндѣтскаго полка въ Финляндіи и пробылъ 4 года въ Кюмени, а потомъ перешелъ въ Гельсингфорсъ. Здѣсь Баратынский сразу попалъ въ кругъ близкихъ знакомыхъ. Благодаря полковому командиру Лутковскому, который былъ его сослѣдомъ по имѣнію, онъ свелъ знакомство съ генералъ-губернаторомъ Н. В. Путитой, будущимъ своимъ кумомъ, и велъ безбѣдную военную жизнь, посвящая свои досуги поэтическому творчеству (поэма «Эда» и др.). Получивъ офицерскій чинъ ему все-таки не удалось до 1825 года, когда онъ добился давно-желаннаго офицерства и въ 1826 г. подавъ въ отставку, уѣхалъ въ Москву и женился на дочери Л. П. Энгельгардта. Его супруга Паталя Львовна была очень богатая и образованная женщина, входившая въ интересы своего мужа и вдохновлявшая его къ поэтическому творчеству. Теперь Баратынский проводилъ время то въ подмосковномъ имѣніи Муравьихи, то въ самой Москвѣ, гдѣ сошелся съ княземъ Вяземскимъ, Давыдовымъ, Языковымъ, Хомяковымъ и др. Тутъ начался полный расцвѣтъ поэтического его дарованія, и были написаны всѣ его лучшие произведенія, какъ «Па смерть Гете» и др.

Но и въ такой обстановкѣ Баратынский не забылъ своихъ юныхъ мечтаній о заграничномъ путешествіи, и въ 1843 г., вмѣстѣ съ женой, отправился въ путь. Посѣтивъ Берлинъ и Дрезденъ, въ началѣ 1844 г., онъ пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ чрезъ посредство Тургенева познакомился съ извѣстными писателями того времени и перевелъ на французскій языкъ нѣкоторые изъ своихъ стихотвореній. Весною 1844 г. Баратынский направился въ Италію и въ началѣ іюня прибылъ въ Неаполь, откуда писалъ Путитѣ о «сладостяхъ» итальянской жизни.

Не долго пришлось ему наслаждаться красотами Италіи. Въ томъ же мѣсяцѣ жена его опасно заболѣла. Баратынский не вынесъ этого испытанія, самъ занемогъ и чрезъ 2 дня, утромъ 29-го іюня 1844 г., скончался 44-хъ лѣтъ отъ роду. Чрезъ годъ тѣло поэта было перенесено въ Петербургъ и погребено на александровскомъ кладбищѣ недалеко отъ могилъ Гиббича и Крылова. Въ на-

стоящее время на его могилѣ находится памятникъ и на немъ барельефы поэта съ двумя стихами изъ «Отрывка»:

Въ смиренны сердца надо вѣрить
 И терпѣливо ждать конца.

Такъ скоро протекла жизнь поэта, отразившись въ грустныхъ тонахъ его стихотвореній.

В. П. Кулинъ. (Портр. на этой стр.)

19-го февраля скончался, на 78-мъ году жизни, бывшій директоръ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, Василій Петровичъ Кулинъ.

Покойный несомнѣнно принадлежалъ къ числу выдающихся русскихъ педагоговъ и администраторовъ по учебному дѣлу. Его руководство развилось въ количествѣ десятковъ тысячъ экземпляровъ: въ теченіе 30 лѣтъ онъ состоялъ преподавателемъ разныхъ гимназій; имъ организована первая въ Россіи учительская семинарія; въ качествѣ директора учительской семинаріи, онъ воспиталъ многихъ народныхъ учителей; инспектируя народныя училища, онъ вездѣ старался поставить дѣло народнаго образованія на почвѣ вѣрныхъ педагогическихъ началъ.

Уже этого простого перечня его педагогическихъ заслугъ достаточно, чтобы выяснитъ ту пользу, которую онъ принесъ. Заслугъ этихъ такъ много, что мы не можемъ перечислить ихъ въ краткой запискѣ, и въ этихъ немногихъ строкахъ, посвященныхъ памяти покойнаго педагога, мы можемъ отмѣтить только то, что привело его къ такимъ плодотворнымъ результатамъ, что его вдохновляло, что придавало ему силу бороться и одерживать успѣхи.

Вдумаемся въ его жизнь. Когда онъ, въ 1842 г., окончилъ курсъ въ бывшемъ главномъ педагогическомъ институтѣ, онъ былъ назначенъ учителемъ одной изъ уѣздныхъ гимназій въ сѣверо-западномъ краѣ. Восемнадцать лѣтъ онъ прослужилъ учителемъ въ глухой провинціи и въ краѣ, относившемся недоброжелательно ко всему русскому или прямо враждебно Россіи. И при такихъ-то условіяхъ онъ, въ силу личныхъ качествъ и преданности тому дѣлу, которому онъ себя посвятилъ, сумѣлъ заставить себя уважать и приносить пользу.

Отсюда уже ясно видно, какого рода дѣятеля мы потеряли въ лицѣ покойнаго Кулина. Когда другіе предавались словеснымъ преніяньмъ, онъ дѣлалъ дѣло; когда другіе враждовали, онъ исполнялъ свой долгъ; когда другіе разжигали страсти, онъ умиротворялъ. Эта преданность дѣлу, это умѣнье его слушаться, выдвигали его, обращали на него вниманіе. По мѣрѣ того, какъ положеніе края, въ которомъ онъ дѣйствовалъ, усложнялось, такъ что большинство не знало, какъ быть, возмѣніе Кулина возрастало, къ нему все чаще обращались въ самые трудныя моменты, забывавъ о немъ, какъ водится, когда все шло гладко.

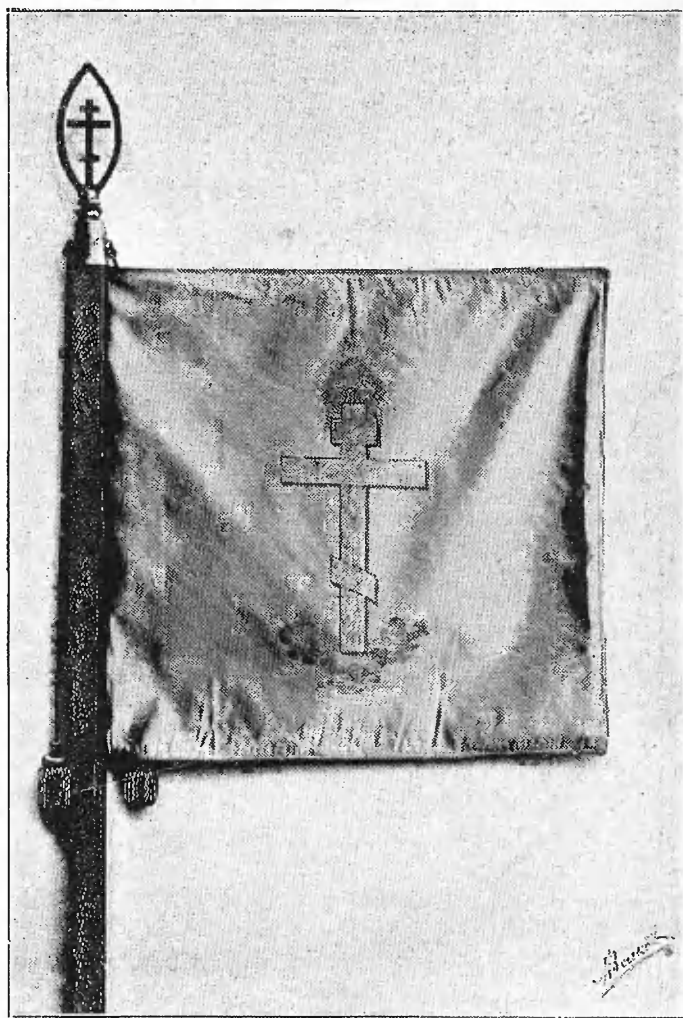
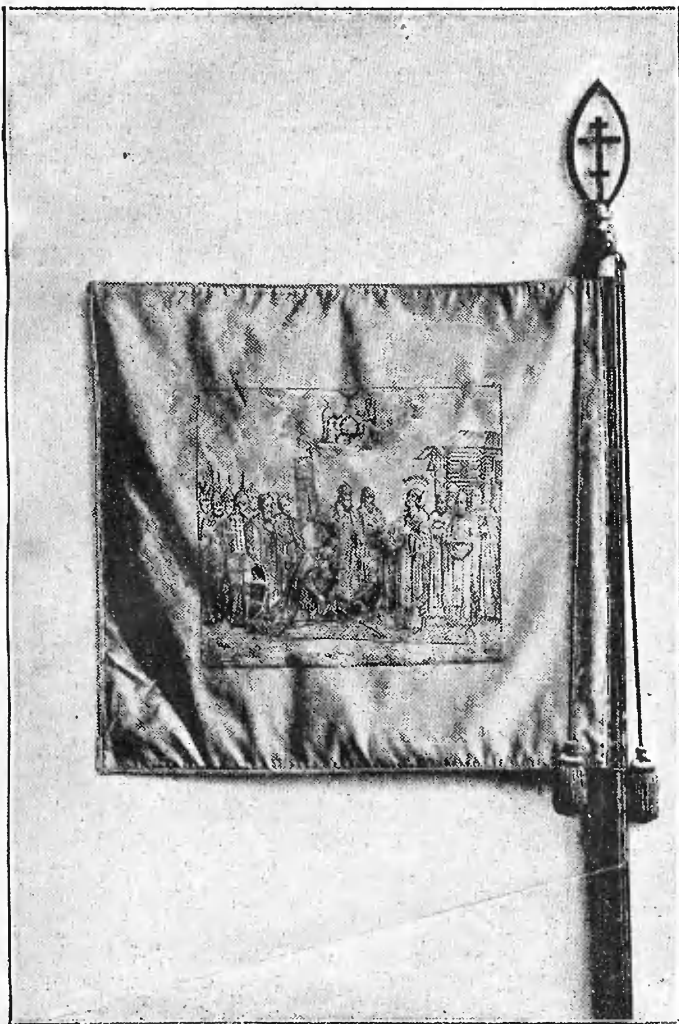
Въ шестидесятые годы началось усиленное броженіе какъ въ Польнѣ, такъ и въ сѣверо-западномъ краѣ. Вспыхнуло даже возстаніе, отражавшееся, конечно, самымъ прискорбнымъ образомъ на учебномъ дѣлѣ. Броженіе умовъ проникло и въ гимназіи. Учебное начальство теряетъ голову, директоръ гимназій выходитъ въ отставку; Кулинъ остается на своемъ посту, и въ его гимназій преподаваніе не прерывается, идетъ мирно, словно замѣшательства въ краѣ нѣтъ. Сколько требовалось умѣнья, такта, находчивости, чтобы справиться съ любимымъ дѣломъ при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ,—онъ знаетъ только то, что помнить тѣ времена. Мало того, въ 1862 г., когда въ сѣверо-западномъ краѣ образовались банды повстанцевъ, Кулинъ, въ должности окружнаго инспектора, объѣзжаетъ виленскую, гродненскую и минскую губерніи и, такъ сказать, подѣлываясь своимъ опытомъ организуетъ сыныя сѣти народныхъ училищъ, а въ слѣдующемъ году, помпучно подвергая опасности даже жизнь, ревизуетъ эти основанныя имъ училища. Въ то же время онъ не теряя ни минуты, изыскиваетъ средства для снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ, самъ составляетъ и печатаетъ учебныя руководства, приспосабливаетъ учителей, придумываетъ простѣйшую и недорогую организацию этого сложнаго дѣла. Наконецъ, учреждаетъ первую въ Россіи учительскую семинарію, молодецкую школу.

Такъ проработалъ Кулинъ въ сѣверо-западномъ краѣ 30 лѣтъ. Если присмотрѣться къ дальнейшей его дѣятельности, то мы увидимъ, что къ нему прибѣгаютъ, о немъ вспоминаютъ всегда, когда возникаетъ какое-нибудь трудное дѣло, которое другимъ не подъ силу. Онъ дѣйствуетъ то въ центральной Россіи, то на ея окраинахъ, судьба его заноситъ даже въ Сирію и Палестину, для осмотра тамошнихъ русскихъ и другихъ училищъ. Наконецъ, въ 1889 г., на него возлагается одна изъ труднѣйшихъ задачъ — стать во главѣ нашего женскаго университета, реорганизованнаго Бестужевскихъ курсовъ, и онъ, въ теченіе пяти лѣтъ,—пока преклонный возрастъ и расшатанное въ концѣ здоровье не заставляютъ его удалиться на покой,—съ честью руководитъ этими курсами, встрѣчая полное признаніе со стороны правительства и общества.

В. П. Кулинъ († 19-го февраля 1900 г.).
 По фот. арх. «Нивы».

Хоругвь-знамя бурамъ, посланная въ Трансвааль отъ общества хоругвеносцевъ Троице-Сѣргіева посада. По фот. Волкова авт. «Нивы».

На похоронахъ Кулина въ александровской дачѣ присутствовали многочисленныя пылкія и бывшія курсистки. Всѣ онѣ сохранили о покойномъ директорѣ наилучшія воспоминанія, и всѣ, конечно, сознавали, что если высшее женское образованіе въ нашемъ отечествѣ не потерпѣло вторично крушенія и съ успѣхомъ возобновилось, то значительная доля заслуги въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Кулину. А если мы спросимъ себя, — въ чемъ секретъ его успѣха, то нельзя не отвѣтить, что ему удалось преодолѣть какъ въ началѣ его дѣятельности въ Вильнѣ, такъ и въ концѣ его дѣятельности въ Петербургѣ, — всѣ препятствія потому, что онъ ставилъ дѣло просвѣщенія выше всего, потому что онъ дорожилъ имъ болѣе, чѣмъ всѣмъ остальнымъ и въ особенности тѣми стремленіями, которые наиболее подрывали и подрываютъ у насъ дѣло народнаго образованія.

Надо ли упоминать о томъ, что человѣкъ такого склада ума, какъ Кулинъ, любилъ, на ряду съ просвѣщеніемъ, и литературу, одно изъ главныхъ его орудій. О его любви къ литературѣ свидѣлствуютъ его собственныя произведенія, появившіяся въ разныхъ изданіяхъ, его труды, посвященные разработкѣ историческихъ матеріаловъ, и, для всѣхъ зна-

Депутация отъ общества хоругвеносцевъ Троице-Сѣргіева посада съ хоругвью-знаменемъ бурамъ. По фот. Волкова авт. «Нивы».

вшихъ его лично, его горячая бесѣда, его искреннее и задушевное слово, когда рѣчь заходила о литературѣ. Онъ самъ писалъ и повѣсти, и комедіи, и стихи, и еще болѣе слѣдилъ за тѣмъ, что писали другіе. Но слово у него не оставалось мертвымъ. Тѣ стремленія, которые воодушевляють лучшихъ нашихъ писателей, онъ умѣлъ превращать въ живое дѣло. Въ этомъ отношеніи покойный Кулинъ былъ рѣдкимъ у насъ дѣятелемъ, а память о немъ должна поощрять насъ развивать въ себѣ тѣ качества, которые были ему присущи въ такой высокой степени. Въ то время, какъ «витія гремѣли» у насъ на Руси, такіе дѣятели, какъ Кулинъ, спасали святое дѣло народнаго просвѣщенія отъ ударовъ, которые ему наносилъ этотъ безплодный шумъ.

Хоругвь-знамя бурамъ.

(Рис. на этой стр.).

Въ № 8 *Нивы*, въ отдѣлѣ «Смѣсь», мы помѣстили уже подробное описаніе хоругви-знамени, отправленной «отраженнымъ бурамъ» отъ общества хоругвеносцевъ Троице-Сѣргіева посада. Въ настоящемъ номерѣ помѣщаемъ снимокъ съ этой хоругви, съ лицевой и обратной ея стороны, а также группу представителей общества хоругвеносцевъ, доставившихъ ее въ Петербургъ.

голландскому пастору Гиллоту, главному деятелю по организации в России помощи бурам.

Генералъ Кронье. (Портр. на этой стр.).

Генералъ Кронье, сдавшийся въ плѣнъ англичанамъ послѣ отчаянной борьбы, сдѣлался мировымъ героемъ. Во всѣхъ газетахъ и журналахъ, не исключая и англійскихъ, до сихъ поръ еще продолжаютъ появляться описанія его геройской защиты съ небольшою горстью буровъ противъ вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля. Фельд-маршалъ Робертъ встрѣтилъ своего плѣнника съ большимъ почтениемъ и окружилъ его рѣдкимъ вниманіемъ и предупредительностью. Что можетъ быть для война печальнѣе плѣна? Но Кронье съ своими товарищами выказалъ такое мужество въ этой непосильной борьбѣ, что и плѣнъ не ослабилъ его обаянія. Всемъ ясно, что эта капитуляція была не добровольна, что Кронье съ своими приближенными, такъ безстрашно встрѣчавшіе смерть, предпочли бы ее плѣну, но мужественному сердцу тутъ пришлось уступить голосу разсудка; война превратилась въ бойню, буры, засѣвшие внизу въ оврагѣ, одинъ за другимъ падали подъ гранатами англійскихъ орудій; выхода не было, приходилось ждать, пока перебьютъ всѣхъ поочередно. И, скрывивъ сердце, отважный предводитель рѣшился спасти лучше жизнь четырехъ тысячамъ своихъ братьевъ, чѣмъ отставать свое имя отважнаго война. Въ этомъ рѣшеніи было столько же героизма, какъ и въ самой борьбѣ съ англійскими орудіями. Этимъ объясняется, почему чествуютъ побѣжденнаго Кронье, точно побѣдителя, превозносятъ, какъ героя. Пока будетъ существовать на землѣ справедливость, до тѣхъ поръ симпатіи будутъ на сторонѣ Давида, а не Голиафа.

Внѣшность Кронье очень симпатична. Онъ невысокаго роста и нѣсколько пѣкшаго тѣлосложения. Лицо его, обрамленное бородой — національнымъ украшеніемъ буровъ, — совсемъ не лицо война; оно дышитъ спокойствіемъ и отвращеніемъ къ насилию. По словамъ корреспондента англійской газеты *Central News*, въ лицѣ его свѣтится безконечная доброта и желаніе жить со всѣми въ мирѣ. «Въ обществѣ: — прибавляетъ корреспондентъ, — Кронье производитъ впечатлѣніе человека, который устроилъ свою жизнь, уплатилъ свои долги и ложится спать не послѣ полуночи, а до нея».

Напоминающій своею внѣшностью скромнаго англійскаго воскреснаго учителя, Кронье считается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ военнаго дѣла. Въ военныхъ совѣтахъ послѣднее слово остается за нимъ, даже когда присутствуютъ президентъ Крюгеръ. Онъ очень дѣтственъ и не можетъ усидѣть ни минуты на мѣстѣ. Сильный страстный огонь на полѣ битвы не вызываетъ въ немъ ни малѣйшаго волненія. За его изумительную подвижность и дѣятельность буры его прозвали «блуждающимъ огнемъ». Недавно еще онъ поразили всѣхъ послѣ сраженія при Магерсфонтейнѣ. Отразивъ тамъ англійчанъ, онъ тотчасъ же бросился къ западу съ частью своихъ войскъ, чтобы помочь своимъ соотечественникамъ отбить попытку Буллера, намѣревавагося освободить Ладисмисъ. Въ англійскомъ лагерѣ и поныня не имѣли объ его отсутствіи, пока, наконецъ, получились вѣсти о его возвращеніи.

Въ самую странную минуту онъ проявляетъ необычайное самообладаніе и даже юморъ. Такъ, послѣ сраженія у рѣки Моддеръ, онъ предупреждалъ лорда Метуэна о ямѣ, въ которую тотъ попадетъ, если послѣдуетъ за нимъ. Послѣ этого, какъ извѣстно, Кронье дѣйствительно ждалъ Метуэна за своимъ заборомъ изъ колючей проволоки, сдѣланной въ Бирмингемѣ, но тотъ не пришелъ.

Кронье обязанъ буры побѣдой надъ Джемсономъ. Онъ заключилъ

Джемсона въ Крюгерсдорфъ, какъ въ мышеловкѣ, и взялъ его со всѣми англійскими офицерами, принявшими участіе въ этой авантурѣ, пользовавшейся негласнымъ покровительствомъ Англіи.

Въ мирное время Кронье живетъ въ Потчестромѣ, гдѣ у него есть ферма въ 12,000 акровъ и гдѣ онъ ведетъ патриархальный образъ жизни, среди своихъ дѣтей и подчиненныхъ, которые всѣ повинуются мановенію его руки.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ вторженія англичанъ въ предѣлы Оранжевой республики буры начали по всей линіи оборонительную войну. За три дня до капитуляціи генерала Кронье съ его доблестными сподвижниками, приняты были мѣры къ стягиванію силъ буровъ на сѣверъ, при чемъ рѣшено было постепенно очистить позиціи у Ладисмиса. Цѣлыми полками двинуты были орудія и боевые припасы въ Трансвааль и Оранжевую республику.

Отпоръ, оказываемый войскамъ Буллера, имѣлъ цѣлью удержать наступающіе отряды англичанъ до совершеннаго удаленія артиллеріи съ боевыми припасами.

Благодаря лишь этому обстоятельству, Буллеру удалось его четвертая попытка войти въ сношеніе съ войсками генерала Уайта: 16-го февраля, послѣ того, какъ буры очистили южныя позиціи, авангардъ англичанъ вступилъ въ Ладисмисъ. По донесенію Буллера въ военное министерство отъ 18-го февраля, буры очистили весь округъ, кромѣ высотъ горнаго прохода; наканунѣ ушелъ послѣдній полкъ буровъ, послѣ чего они взорвали мостъ. Изпуренный продолжительной осадой отрядъ Уайта оказался неспособнымъ къ немедленнымъ дѣйствіямъ. Войска Буллера также не могли преслѣдовать уходящихъ буровъ; при дальнѣйшемъ движеніи англійскими войсками пришлось бы вторгнуться въ Оранжевую республику и Трансвааль, по дороге въ этомъ направленіи протекаетъ черезъ проходы Драконовыхъ горъ, гдѣ буры заняли превосходныя позиціи. Понятно, почему генералъ Буллеръ, испытанный не разъ «ударами судьбы» при столкновеніи съ бурами, благоразумно предпочелъ остановиться на своихъ позиціяхъ въ Наталѣ.

Удачный походъ Робертса и достигнутый, наконецъ, Буллеромъ результатъ вызвали въ Лондонѣ давно бывалую бурю вос-

торговъ и патриотическихъ манифестацій.

Тѣмъ временемъ буры съ удвоенною энергіею какъ бы начали вторую кампанію. Президентъ Крюгеръ обратился къ бургерамъ съ воззваніемъ, убеждая всѣхъ оставаться твердыми во имя Господа и положиться во всемъ на Бога. Всѣ слухи о разочарованіи оранжистовъ и о готовности ихъ, послѣ вторженія войскъ Робертса, отказаться отъ продолженія войны — оказались выдумкою англичанъ: буры Оранжевой республики исполнены непоколебимой рѣшимости выстоять съ трансваальцами продолжатъ борьбу до послѣдней крайности; въ случаѣ же пораженія на территоріи Оранжевой республики, всѣ готовы отступить въ Трансвааль. Въ то же время весьма важныя извѣстія получены изъ Капской колоніи: сѣверные округа, пограничные съ Оранжевой республикой, объяты возстаніемъ противъ англичанъ. Капштадтскій британскій верховный комиссаръ объявилъ осадное положеніе въ мѣстностяхъ, гдѣ «британскіе подданные подняли оружіе противъ правительства». Всѣ эти волненія, распространяющіяся въ тылу арміи Робертса, объясняютъ до нѣкоторой степени бездѣйствіе фельдмаршала, несмотря на пылкія ожиданія британскихъ патриотовъ, заранее приготовившихся къ вѣсти о полномъ разгромѣ буровъ.

Генералъ Кронье.
По наброску III. авторинія «Нивы».